

Валерий Сабитов

ОПЕРАТИВНЫЙ ОТРЯД
книга вторая

ИМПЕРИЯ-АМАРАВЕЛЛА

16+

Валерий Сабитов
Оперативный отряд. Книга
вторая. Империя-Амаравелла

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=37926658

SelfPub; 2018

Аннотация

В борьбе с Князем Тьмы Дзульмой герои дилогии вернутся на территорию планеты Ила-Аджала. Но прежде они пройдут по дорогам земным, обретут бытие оперативников на Лунной Базе «Чандра», встретятся с представителями инозвездной Расы Стрельца.

Содержание

Книга вторая «Империя—Амаравелла»	5
Предисловие автора	5
Пролог.	10
Часть первая	17
Внепланетная база «Чандра». Сектор	18
Оперативного Реагирования.	
Планета. Уруббо-Ассийский Альянс.	25
Планета. Нижне-Румск	43
Внепланетная база «Чандра». Сектор Боевой	52
Подготовки.	
Часть вторая	65
Валерий. В кольце Крайнестана	66
Лунная База «Чандра». Крэкерская атака	106
Планета. Валерий. Переформатирование	126
Часть третья	132
Чужие сказки Нижне-Румска.	133
Конец ознакомительного фрагмента.	151

Валерий Сабитов

ОПЕРАТИВНЫЙ ОТРЯД

НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИЙ РОМАН-БИОГРАФИЯ

·
(КНИГА ПЕРВАЯ: «АРД АЙЛИЙОН».

КНИГА ВТОРАЯ: «ИМПЕРИЯ-АМАРАВЕЛЛА»)

Книга вторая «Империя —Амаравелла»

Предисловие автора

Да, дилогия «Оперативный отряд» – Сказка. Знание сказочного мира пришло через сновидения и размышления над ними. В первой книге дилогии реальность явно отдалена от известной земной, данной нам в непосредственном восприятии. Вторая книга – естественное продолжение первой. И покажется она читателю более близкой и понятной, чем «Ард Айлийюн». Странно, но именно это обстоятельство потребовало обратиться с Предисловием, чего нет в первой книге.

Несомненно, во всех мирах царит один Закон, ибо все сотворено Единым Создателем. Но сходные по сути процессы могут протекать различными путями даже в родственных, сопоставимых цивилизациях. Что важнее, общее или особенное в жизни Земли и мира, представленного в данной книге, решать читателю. Имя той планеты – сложное, не произносимое на известных нам языках. И по этой причине автор присвоил ей имя Земля. А также потому, что в нашем сознании понятие «Земля» вобрало очень много смыслов, которые существуют и в описываемой реальности. К тому же

Земля в нашем мировосприятии не только имя собственное. Этим словом мы обозначаем все то, что не относится к небесам. И когда произносим «небо и земля», имеем в виду «Дух и материя», что объединяет нас с представителями любого измерения.

Иная цивилизация, – это чужой язык, вписанный в незнакомый Контекст бытия. Перевод всегда – дело неблагодарное. Язык, на котором написана данная книга, несовместим полностью с отражаемым Контекстом. Однако возникновение ассоциаций не исключено. Что объясняется как стремлением автора облегчить читателю восприятие иного мира, так и издержками совмещения отдаленных Контекстов. Автору пришлось прибегнуть к упрощениям, использованию известных понятий и внедрению их в чужой мир. Без таких опорных общих точек в рассказе обойтись невозможно. Что неизбежно приводит к возникновению ассоциаций, иногда неправомерных и даже искажающих суть описываемого явления. Также неверная оценка может проистекать как от ограниченных возможностей автора, так и предвзятой позиции читателя.

Конечно же, писателя, представленного как Гоголь, там зовут другим именем. Но автор счел возможным использовать именно это имя, читателю безусловно известное, поскольку их жизнь и творчество по многим проявлениям схожи. Но схожесть – никак не тождественность, и мы будем об этом помнить. Почти та же ситуация с Графом и некоторы-

ми другими персонажами книги.

Потому совпадения в именах собственных и географических, в содержании конкретных исторических процессов, – всего лишь совпадения. Сходство в течении описываемых предметов-явлений, линиях судеб отдельных личностей не означает их зеркальности. И автор дистанцируется от подобного упрощенного отражения представленной на страницах романа многомерности. Ибо оно может привести к появлению иллюзии о родстве-тождестве двух миров.

Итак, мы договорились: напрасно искать в романе исторические либо иные соответствия с миром известной нам планеты Земля. В дилогии «Оперативный отряд» я предлагаю рассказ об абсолютно реальной человеческой судьбе, почти документальную биографию. И считаю долгом своим предостеречь от поспешного или намеренного переноса жизненных реалий, описанных в романе, на известную читателю (критику, редактору) историческую личность либо персону из текущей действительности.

Мы понимаем: во Вселенной всё разведено и взаимосвязано, многомерно и едино. И любое наше представление о мире, – индивидуальный срез, обедненная проекция истинного бытия. И предлагаемая вам сказка лишь попытка описания одного из измерений. Сказка о далекой, но действительной реальности, немного колдовской и чуть-чуть волшебной. Войдите в нее, сделайте своей, а затем взгляните на тот мир, из которого пришли в мою сказку. И ваша личная

жизнь предстанет не менее удивительной.

И все же! – да, люди в пространстве романа идут путем, схожим с тем, что проходят люди Земли. Они так же увлечены накоплением рационального знания. Каждое новое поколение считает себя более продвинутым, чем прежнее. Выхваченные аналитическим разумом тени непознанного мира очаровали их. Как и нас... Мы тоже блуждаем среди «научных открытий», запутались в паутине теорий, гипотез и суеверий, барахтаемся в омутах псевдорелигиозных учений и оккультно-мистических сект. С неувыдаемым упорством продолжаем исказить наше прошлое и конструируем неестественное будущее. Мы истово поклоняемся мертвецам и амулетам, увлечены ложью иерархов, сочиняем или покупаем куски обезьяньей генеалогии. В наших головах нет Живого Царя, сердца запечатаны клеймом Тьмы. Мы беспощадно соревнуемся за обладание образами и кусками мертвой материи, подверженной гниению, ржавчине, старению, неизбежному распаду и уничтожению. И не желаем знать, откуда пришли в этот мир и куда из него уйдем. Отринув Вечность, мы потеряли ориентиры во времени.

Торжествующий хохот сатаны сопровождает нас от рассвета до заката, не оставляя и в сновидениях. Либо лишая их...

Такова ситуация на момент возникновения данной книги. И автор надеется, что читатель, пройдя маршрутом Оперативного Отряда, откроет дверь в свою личную сказку. И че-

рез нее увидит: в каждой точке пути мы имеем свободу выбора.

Бинарный выбор... Слева – манящая радостями Тьма, справа – светлый слабый лучик, предвестник Радуги. Но как непросто идти к нему навстречу...

Пролог.

Из Предфинала

Кто знает, как переплетаются предопределение и личная свобода, образуя линию судьбы? Кто в состоянии верно предугадать наполнение всего лишь одного, завтрашнего дня? Попытки напрасны, но сколько во всех веках процветающих «пророков»!

Я иду от бархана к бархану, от одного оазиса к другому, и удивляюсь судьбе, которая привела меня сюда. Жизнь моя – как свеженаписанный, да не законченный роман. Но ведь судьба – не автор. Она, – всего лишь вервь вероятных событий, предложенная к сплетению до рождения.

Под ногами вихрится колючий жар. Над головой то жгучее солнце, то стывшая луна в кружении холодных звезд. Меня тянет вперед зов древних гор. За собой оставляю грохот и блеск непрерывной грозы. Она не догоняет, но и не отстает, оживляя мертвую почву Священного полуострова.

В зовущих горах закончится мой земной путь. Мне давно известно расположение в пространстве моего последнего земного дня. Это знание не личное достижение, а дар. И оно противоречит накопленному опыту. Опыт пытается доказать: глупо возить дрова в лес. Но опыт слишком тяжел, чтобы быть всегда правым. Опыт, – и перистое облачко породы, и керамика, сменившая зубную эмаль, и отношение к

собственной памяти, и легкая ясность мысли.

Удивляюсь тому, что успел пресытиться бытием. И самая трудная мечта более чем осуществилась. Книги мои одолели имперские барьеры и скрытую цензуру Храма. Уверен, – они состоялись именно благодаря встречной волне псевдопатриотизма и нацрелигиозности. Международная премия обеспечила личностную независимость, – иначе как бы я оказался здесь, на заключающем отрезке своего Пути?

Но! – думал я, что сценарии романов, созрев во мне, выплеснулись во внешнее пространство. Нет, я обитаю внутри «Империи-Амаравеллы»; а страницы ее – малая часть Книги Необъятной, открывающей себя не по воле моей. Поэтому неудовлетворенность рядом с ясностью?

Прошлое и будущее – как Восток и Запад, как Восход и Закат. Не дотянуться, не соединить... А настоящее, – пустой Миг, скрывающий превращение одного в другое... На финишной прямой пустота особенно ощутима. Мое тело сотворено из элементов тех самых зовущих гор. Каждый возвращается туда, откуда произошел. Я поймал притяжение и особенный аромат своего первоначального естества, побывав там в давнем прошлом. Но в те дни не было понимания. Теперь знаю – там моя дверь в Вечность.

Но почему теснит беспокойство? Ответ на вопрос воз-

можен такой: я подсознательно сопротивляюсь воплощению сюжета «Оперативного отряда» в действительность.

На Пути нет асфальта, заправок, закусочных. Лошадь или верблюд для путника роскошь. От колодца к колодцу, от оазиса к оазису... Вчера остановила конная стража Объединенной Империи. Смешно: потребовали у седого пилигрима документы. Я улыбнулся. Они пригрозили расправой. Я снова улыбнулся. Они не догадываются о своей теневой сущности. Прошел через них, как тахион сквозь тело Вселенной. Такое легко, когда одинок и не имеешь земного защитника. Да и годы тренировок... Я никогда не искал поддержки среди людей. И обрел одиночество не приговором, а наградой. Очень давно не вхожу ни в какую специально организованную группу. Сам себе оперативный отряд... Встреча с Имперской стражей показала: огонь ярости еще горит в сердце, окутанный плотным облаком внешнего спокойствия. Личных врагов не осталось. Сумрачные тени иногда поднимаются рядом, выражая недобрые намерения. Появляются, чтобы исчезнуть. Вот и этот отряд пропал с пространства Священной земли, прикоснувшись ко мне. Точнее, к тому, что во мне...

Всадники всколыхнули в памяти давний пласт. А в нем я молод и несведущ... Сижусь с Ахмадом, братом-иностран-

цем, на восьмом этаже здания в столице республики, в которой служу военным советником. У здания символическое название: «Рок-отель». На верхнем, восьмом этаже – ресторан со стеклянной наружной стеной. За ней – просторный вид на океан. Красиво и относительно дешево, и мы с Ахмадом предпочитаем «Рок-отель» прочим подобным заведениям. Финансы наши ограничены, меню скромно. Через столик от нас двое военно-командировочных Коламбийской Федерации, я их в момент просчитал. Как и они меня, – профессионалы. Оклад у них на порядок выше, они считают меня бессребрником-миссионером. Достаточно сравнить наши столы. То, что они заказали, мы с Ахмадом можем позволить себе не чаще раза в год. И живут они вне партийных анклавов. Мои соотечественники-советники завидуют их материальной обеспеченности, но не свободе в повседневности. Мне интересно, и через глаза я попытался заглянуть в суть, позволяющую смотреть на нас вот так, сверху вниз. С обладателями такого взгляда это просто. И увидел великое самоудовлетворение от принадлежности к самому богатому и сильному отряду на планете. А еще: отсутствие сомнений и поиска смыслов. Иная по наполненности, чем в Сирии, но столь же закрытая стереотипная программа бытия от рассвета до заката! Скучно стало, и я отвернулся. Сегодняшний отряд – наследники тех богатеньких профи из военной разведки Северной Колумбии.

С высоты седых лет это воспоминание – как элемент дав-

него сновидения. Но нет, жизнь не была сном или сказкой. Я бреду по оживающей за моей спиной пустыне и вспоминаю. Память легка, – я успел рассказать о главном в биографическом романе. Больше для себя, чем для других. Роман – не исповедь, но освобождение. Но все же странно, – иду путем, проложенным в «Оперативном отряде»! Книжная реальность воплотилась в земном бытии. Империей овладели фантомы темного духа. Мир стал подобием уездного театра. Зрителей нет, все актеры. Исполнители искусственных ролей, они продолжают кучковаться в отряды, ища спасения от неизбежности.

А Сказка превращается в действительность. В других моих книгах – иные миры. О них меньше переживаний, они творятся не вблизи. А рядом, – нет, еще не конец Света. Возмездие свершится, но род человеческий продолжится. И сохранится драгоценный моему сердцу сурианский язык. Буква, надеюсь, воспарит над цифрой. Понадобятся библиотеки, на полки выставят книги прежних времен. Только бы не все подряд. Наткнется чей-нибудь взгляд на «Оперативный отряд»? Человечество выработало несколько видов исторической памяти. Возможно, я подвергнусь полному забвению и затеряюсь в безмолвии. Или будут хулить столетиями. В третьем случае биографию кастрируют, портрет всунут в рамку оклада. И подвешат в Красной комнате или в Храме.

Но что мне до всего этого?

Рядом не осталось тех, с кем начинал Путь. На их месте другие, размышляющие еще менее. Приходится заново осваиваться среди новых поколений.

– Тебя называли великим до нас. Мы не знаем тебя...

Так заявляют новые люди. Они не читают, они считают. В их глазах таится багровый огонь, тела обвивает серая аура.

– Да не претендую я. Ни на величие, ни на ваше признание...

Так отвечаю им. Мы сосуществуем, но пребываем в разных контекстах. Им для понимания мира достаточно тысячи однозначных слов. Их не предостеречь, – они не понимают, кто владеет мирами. Но их пугают седое бесстрашие, равнодушные к славе и динарам. Они не замечают бинарности Вселенной, потому что в ней, – непримиримое противоречие. Кружение в темноте невежества позволяет им быть свободными от свободы выбора.

И мне пришлось пройти через такое сумеречное состояние. Но более всего Князь Тьмы пытался сломать через человеческие глазницы, излучающие немотивированную ненависть. Князь действовал и человеческими ухмылками, ужимками, дикими словами. А сколько было попыток физического давления и уничтожения! Видел я множество отрядов и отрядиков со своими целями-программами. Все они

имели собственных идолов и религии. Но все вместе они – рабы Рампы, исполняющие чуждый и противный мне спектакль под искусственным освещением.

О рабы, возомнившие себя самодостаточными творцами! Закроется занавес и всё, освещенное Рампой, исчезнет. И там я побывал, на ложной сцене. Сыграл кусочек сценария, понял замысел и ушел...

Да, Полигон Сатаны предлагает простые законы, им легко подчиняться. Ведь они, – в строгих рамках здравого человеческого смысла. Нет уж, лучше быть одному, чем в такой здоровой компании. Немного воли, чуть-чуть терпения, – и пришла привычка не скучать в одиночестве. Тем не менее, я остаюсь частью мира, не признавая его. Лунные тени пересекают мой Звездный Путь. Противник мой не знает сна.

Возлюби врага своего... Так сказал Пророк? Враг мой – Князь Тьмы, имеющий множество имен. Возлюбить сатану отверженного и его воплощения в человеках? Мачеху и мать почитать одинаково? Неужели диверсант Шойль равен Пророку? Путь мой кончается, а вопросы не уходят. И пытаюсь решить их с помощью Книги Различения.

А еще предвижу скорую встречу. Зов гор, возможно, преждевременен...

Часть первая

Закрытое время

Внепланетная база «Чандра».

Сектор Оперативного Реагирования.

Вторая «звездочка» Наира

Часы текут без интриги, рождая серую скуку. Нейтральное время сжимает психику, пытаясь превратить меня в тоскующего зверя. Тишина... Надо предложить трансляцию живых музыкальных концертов оттуда, Снизу... И глазу не за что зацепиться, кругом надоевшие полутона. Внизу случается Радуга, ее бы тоже сюда...

Дежурство завершается, и закипает раздражение. Привычно берусь за клавиатуру. В оперотряде она единственная, все предпочитают мысленное, лишь иногда голосовое общение с Системой. Окружающая меня голубоватая сфера съедается в трехмерный экран на столе.

Иду к Графу, любимому человеку-Льву, единственной моей «звездочке». Мы прошли вместе большую часть его жизни; я знаю, чем и как она закончится. И способен в точности воспроизвести любой отрывок из произведений либо Дневника. Признаюсь, клавиатура меня тоже не удовлетворяет, хочется перейти к рукописному письму. Но... Такой архаизм вызовет смех в отряде, и я колеблюсь.

Да, прямое включение в виртуальный процесс дает эффект полного присутствия. Мозг весь погружается в иную реальность. Можно войти в любой дневниковый день Графа,

ощутить его напряжение, запах, свет... Но я предпочитаю оставлять коридорчик связи с Базой. Точнее, – с самим собой.

Пальцы забегали по клавишам, экран высветил строчки из «Хаджи-Мурата». Я вновь восхитился волшебством автора. Мир земных страстей... В глубине экрана, за рядами полупрозрачных строк, задвигались тени ушедших людей; над ними светят звезды, Луна, Солнце... Под небом распускаются цветы, которых уже нет. Я не позволяю Системе детализировать всплывающие картины. Иначе уйдет очарование неполной определенности, разогревающее воображение. А оно, в свою очередь, снимает раздражение.

Кажется, очень просто... Но край внимания цепляется за обстановку в Секторе оперотряда. Почему? Потому что не хочу пропустить появления на главном экране лица Куратора. Момент, когда он еще не заговорил. В чертах лица кроется некая загадка, никак мне не дающаяся. Что-то глубоко личное, касающееся только меня. Но что может объединять рядового оперативника с самим Куратором «Чандры»?

Ближе других в поле скрытого внимания рабочее место Горомира. Над его столом пульсирует пронзительно синий полупрозрачный купол, знак возвращения из полного погружения. Горомир не торопится. Впереди повтор ритуала, которого ждет не только он. Сейчас к нему подойдет Зефирида. И начнет с того, что переименит имя. А потом примется задавать необычные вопросы.

Я почти отключился от пространства «Хаджи-Мурата»: по сочной ночной зелени горного ущелья бродят желтые лунные тени, свежесть животных запахов таит близкую угрозу...

Но Зефирида уже рядом, царственно красивая, скрывающая за улыбкой усталость. На лице ее тень страны Кемь, погруженной в жреческую диктатуру. «Звездочке» Тате несладко живется. Не легче, чем горцам «Хаджи-Мурата».

– Как ты, Мирогор? Не пора ли твоему рабу стать господином? Или ты не знаешь, как делаются революции?

У нее голос колдуньи: тембры рождаются где-то у сердца, не иначе; когда она говорит, все молчат и слушают. Горомир не отказывается от предложенной игры.

– Ты дождешься-таки кары, женщина! Революция? Мой Медведь поднимет народ и направит его гнев на страну пирамид. И мы займемся воспитанием Таты. Правильным воспитанием!

Как я раньше не замечал? Ведь они оба копии своих земных «звездочек»! Или наоборот... Двойное совпадение, – случайность? А как с этим у других? Надо бы присмотреться... Я прибыл в отряд последним, сравнительно недавно, и не все понимаю. А еще мне не хватает таланта Графа. Тот бы во внешнем и внутреннем высветил. Но зачем это мне? Я же не собираюсь писать роман об оперотряде. Да и что может произойти с Зефиридой и Горомиром? Мы на Лунной Базе,

Эрос тут не обитает. Возможна только игра. Как расслабление психики после погружения в основную задачу отряда.

Зефирида опекает дочь фараона-Мессии. Ей повезло, период самый мистический и неясный в истории страны Кемь. Мать Таты из простонародья, и не могла претендовать на близость к трону. После гибели отца Тата вынуждена стать «безработной» жрицей одного из языческих храмов. Незавидная участь... Но исполняет она ее величественно, по царски. Она – словно драгоценный камень из инозвездного мира, чудом ставший украшением земной короны. Тата – единственная, непохожая ни на кого в своем мире. Как и Зефирида. Она одна в отряде помнит долунное прошлое. Иногда я слышу, как вокруг нее кружит колдовской северный ветер Шималь... Людям пустыни Внизу он приносит дожди и прохладу.

Горомир другой: не царь, а царицына крепость. Оправа для бриллианта-Зефириды.

Клавиатура забыта, литературный мир Графа покинул экран. Смотрю на Горомира и думаю. Синяя пульсация померкла, оставив искорки в глубине зрачков. Рыжая борода взлохмачена, как костер под порывом ветра. Неужели он оттуда, из того места-времени, которым занят?

Восток Уруббы, за сотни лет до появления Имперского Уруббо-Ассийского Альянса. Территория связывает нас, но по времени мы разнесены далеко. «Звездочка» Горомира, по прозвищу Медведь, – раб вождя одного из фаррарских пле-

мен. Впрочем, вождь сам из рабов, бывших, беглых. Как и все фаррары...

Раб раба, могучий телом, но смиренный духом. Да, определенно, – заключил я, – Горомир с Медведем как отражения друг друга. Широкоплечие, огненно-рыжие, с остро-синим думающим взглядом. Смирнен ли внутри Горомир, неизвестно, но в общении мягок до деликатности. Пытается отыскать истоки будущей Империи в племенном полудиком окружении Медведя.

Очень странное образование оперативный отряд «Чандра». Куратор Атхар сообщил при первой встрече: ты здесь по собственному выбору. Я поверил. Атхару нельзя не верить. Но каким путем, из какого прошлого? И неужели мы здесь только для наблюдения-опеки над «звездочками» Внизу?

Подобные дежурства выматывают, но по сути они – отдых. Время загружено настолько плотно, что... Мы изучаем религии всех времен и народов, сказки, мифы, легенды. Еще психофизиологию, философию, космологию. И еще, и еще... Физическая и боевая подготовка, – понятно, надо держать себя в форме. Но энциклопедические знания... Ну не понимаю я!

Внезапно рядом прозвенел колокольчик. Сигнал полной личной готовности! Подтверждение моей незрелости, – я не

сразу сориентировался. Новая «звездочка»! И моя! И в таком месте-времени, что ой-ой! Система развернула панораму. Пейзаж очаровательно красив, но какое захолустье!

Не успел усвоить первые сведения о своей второй «звездочке», как зазвучал колокол, – призыв на общий сбор. Сличным присутствием Атхара, что бывает редко. Обычно он общается с нами через большой экран. И не поймешь, близко он или далеко. То есть на нашей Базе или на Луне у дальней звезды.

Настораживает предощущение чего-то важного. Предугадать? Новое о Лунной Базе? Я и о Луне-то почти ничего не знаю. Самое любопытное, – она периодически служит перекрестком звездных путей. То ли место отдыха, то ли станция пересадок...

Но спутник планеты вне сферы интересов оперативного отряда. Мне жаль: тут столько всего! И на поверхности, и внутри, – четко отграниченные сектора-зоны. Кто-то высококоразумный координирует жизнь межзвездного перекрестка. Цивилизация планеты пыталась обжить свой спутник. Но глобальный потоп отменил экспансию.

Да что Луна! Для оперативников сама База «Чандра» загадка. В нашем распоряжении Сектор Оперативного Реагирования, откуда с помощью Системы мы сопровождаем избранных землян. «Звездочки...» Еще Информаторий, центры спорта, боевой подготовки, религий... Плюс жилая зона. Все вместе, – десятая доля общей площади «Чандры».

А сколько скрыто в глубине!? И, – база функционирует в двух дополнительных измерениях. Минимум в двух. Этого я представить не в состоянии. Не все ясно и со смыслом нашей работы.

Вторая моя «звездочка» загорелась в маленьком городке, лишенном перспектив. Нет ни Храма, ни института. Народ трудится на судостроительном заводе. Выпускают торпедные катера для военно-морского флота. Империя скоро от них откажется. Завод развалится, город обнищает. А до ближайшего цивилизационного центра тысяча километров. По воде или воздуху... Никакой гений не способен тут реализовать себя.

Возможно, Система ошиблась.

Планета. Уруббо-Ассийский Альянс.

Крайнестан.

Начало земной биографии

Это случилось в светлый полдень самой середины весны.

Фундамент двухэтажного деревянного барака от чрезмерной многолетней нагрузки наполовину ушел в почву. Над одностворчатой дверью входа табличка с надписью «Роддом». Доски стен от старости покоробились, трещины закрывает многослойная краска. То ли зеленая, то ли коричневая... Цвет настолько ядовит, что светло-зеленая мурава в смеси с ярко-желтыми одуванчиками не приближается к зданию ближе метра. И красно-коричневая голая почва круговой каймой отделяет «Роддом» от остального мира.

Кое-что из первых дней в памяти моей сохранилось. Со всем немного, приходится дополнять скудными воспоминаниями очевидцев.

Я родился, открыл глаза и очень удивился. Еще бы! Сверху нависает грязно-белая плоскость, не вызывающая никакого доверия. Вертикали-стены оклеены обоями неопределенных цвета и рисунка. Единственное окно, открывающее

вид на юг, забрано решеткой из железных прутьев. Сквозь пыльные стекла в комнату с трудом прорывается мягкий свет весны. Но внутри он теряет в весе, насыщенности и градусе. И ложится на охристый деревянный пол бесцветным слабым слоем. Пахнет острой горечью.

«Туда ли я попал?» – вспыхнул вопрос. И когда надо мной склонились две фигуры в белых халатах и марлевых повязках, понял, – туда! В их сощуренных глазах нет никакого понимания сути момента. Тогда-то я и заорал от безысходности, от невозможности вернуться обратно. А люди в масках решили, что младенец кричит от радости.

Из «Роддома» меня перенесли в дом, который построил отец. Свежие лиственничные бревна и доски источают ласковый аромат. Через прозрачные окна в комнату легко проскальзывают солнечные дни и лунные ночи. Иногда по стеклам мягко струятся крупные дождевики, потом в кроватку заглядывает веселая Радуга. А рядом всегда женщина по имени Мама. От ее близости становится совсем уютно.

Но пришла осень, и меня определили в ясли. Еще один двухэтажный барак, противный и серый. Угрюмым служительницам, погрязшим в личных проблемах, до меня никакого интереса. Паутина в потолочных углах свисает седыми прядями, из темной глубины пристально следят паучьи глазки. Пауки набирают вес и дожидаются своего часа. Знаю: они ненавидят меня и мечтают впиться острыми клешнями в мое бессильное тело.

Я разочаровался снова. И стал молить о возвращении. Но память о прошлом бытии уходит. И вот: я забыл, кого надо просить. Кричать сил не осталось, да и зачем... Произошла путаница, я родился не в том мире. Чтоб это понять, достаточно сделать вдох. Воздух, насыщенный микрочастичками паучьей паутины, царапает горло, застревает большими комками в груди.

Но сознание не угасало. И предложило мне выход: не сопротивляться недомоганию, которое наслали пауки. Только через серьезную болезнь возможно вернуться обратно.

Следующая ясельная картинка впечаталась в память так крепко, что сохранилась и после деформации психики.

Подо мной – коричнево-черные доски разошедшегося пола. Сквозь щели снизу струится сырой холод. Они приносят запах тления, пропитавший почву под баракком. Мое обоняние радуется, потому что знаю, – конец близок. Чтобы его ускорить, ползу по древнему шершавому дереву. В этом мире нет сил, способных спасти от ясельного воздушного концентрата, в котором собраны возбудители всех болезней человека.

Хорошо помню свое раздвоение в те минуты. Да, меня стало двое. Один я ползу, царапая колени и напряженно всматриваясь в щели между досками пола. Где-то там обитает чужой недобрый Некто. Я не знаю его имени. Тело мое

ничтожно, но как трудно его передвигать! Второй я прозрачным перламутровым облачком застыл под беленым известью потолком и наблюдаю за собой первым. Сверху смотрю спокойно и невозмутимо, сюда страдания не дотягиваются. Вторая моя сущность понимает: от зла болезни, которая проникла в тело первой сущности, нет спасения.

Служительницы-нянечки не заметили... Чтобы увидеть скрытое зло, требуется доброта. Надо быть очень добрым. Хотеть быть... Они не хотели.

В городской больнице отцу заявили:

– Мы ничего не можем. Острая пневмония. Оба легких... Сопутствующие осложнения... Момент упущен. Он обречен, забирайте сына. Лучше, если он умрет дома. Если донесете...

Врачеватели признали свое бессилие. А еще они не хотели дополнительного минуса в отчетности, их без меня хватало.

Отец смирился. Он нес меня и думал, что скажет моей маме. Я у нее первый и пока единственный. Возможно, она молилась. Она всегда знала, кому молиться. И дальнейшее произошло по ее молитве, а не по моему скрытому желанию.

На одном из перекрестков отца остановила незнакомая женщина. И спросила:

– Что в руках твоих, человек?

У него хватило слов объяснить ситуацию. И она сказала:
– Мне известно... Потому я здесь. Передай его мне. Не расстраивай мать его. Вы бессильны, ведь так? Я верну вам сына через три дня. Живым и здоровым.

Я не видел ни рук, ни глаз той женщины. Растерянный отец не узнал о ней ничего. Она принесла меня через три дня и исчезла.

Жизнь продолжилась. Дома царил добрый и многосложный, цветной аромат. Но иногда я ощущал присутствие в нем запаха холодного, перечного. Все-таки дом стоит на улице Северной, тянущейся к восточной границе Империи. И зимы тут круто замешаны снегами да морозами. Так я тогда понимал.

Некто, притаившийся в подполье ясель, забылся.

Внепланетная база «Чандра». Сектор Оперативного Реагирования.

Наир

(продолжение)

Куратор Атхар впервые нарушил введенный им же порядок. Без всякого предисловия он обратился ко мне:

– Наир! Прошу...

Взгляд у него сегодня особенный, какой-то отцовский, со скрытой тревогой. Но что я могу помнить об отцовском или материнском взгляде? Кратко доложил о духовных метаниях Графа и появлении новой странной «звездочки».

– Как его назвали? – заинтересованно спросил Атхар.

– Анвар. На одном из планетных языков – Свет. Во множественном числе. Много Света...

– Интересно! – Куратор сосредоточился, от глаз разбежались морщинки, в богатой ауре сгустился оранжевый оттенок, – Не заметил смыслового сходства?

– Нет, – смутился я.

На самом деле! Ведь Наир значит «яркий, светлый». Атхар оторвал взгляд от меня, легко улыбнулся и обратился к отряду:

– Думаете, Куратор постарел, устал и занялся ненужными мелочами? Постарел немного – согласен. Но в остальном... Рождение в Империи «звездочки» с именем Свет и назначение опекуном ее Наира... Произошло событие, с которого начался отсчет новой для нас шкалы времени. Мы устремились к нашей главной задаче.

– А... Какова наша главная задача? – не удержался от вопроса эталон спокойствия Горомир.

Так, волнение задело и его? Атхар уже не улыбался.

– База и отряд носят имя «Чандра». На одном из галактических языков – Луна. Большая Луна! Мы, – в одном из измерений, – находимся на ней...

Новость ломала сложившуюся картину мира. Отряд замер в облаке вопросов. Атхар выбрал из них не самый важный.

– Да, там имеется и маленькая луна. Но и луна Чандра, – не совсем та, которая спутник планеты Земля. Точнее, она разная в разных мирах. Не спешите, большего я вам пока не

скажу...

Куратор взглянул на ближнее к нему рабочее место Лирия; из глубины экранной трехмерности к датчикам полного погружения лежащего рядом шлема Лирия потянулись фиолетовые нити. Такого явления раньше я не замечал. Атхар легко поднялся со стула и, на мгновение задержав на мне взгляд, сказал:

– Объявляю краткую паузу. Вернусь... Извините...

Куда он исчез, я не смог проследить. Да и никто другой из отряда. Куратор владеет набором знаний и умений, нам недоступных. Так что никто не удивился. Началось обсуждение свежей новости. Я закрыл глаза, чтобы постараться выделить самое-самое для себя лично. Кто говорит – неважно.

... – Вот так?! Многомерная Луна... А планета?

– Вполне допустимо.

– Но с какой планетой взаимодействуем мы? На каком уровне реальности? Мы тут способны двигаться по их временной шкале. Внизу такое невозможно.

– На Луне, которая дана им, такое тоже невозможно.

– Так ли уж и нет? Что мы знаем...

– Тогда... Для наших «звездочек» мы принципиально недоступны. Они не способны воспринять нас.

– Но мы ведь реально воздействуем на их мир. Даже, при

необходимости, меняем линии судеб. Или нет?..

«Сомнения, сомнения, – подумал я, – Без привлечения религии нельзя. Но и там единого алгоритма нет. И как быть?» И тут же понял, что не одинок в постановке проблемы.

– Да или нет? Это главный вопрос Внизу. По-другому он звучит, – какова твоя вера?

– Мы пользуемся теми же источниками... А они там... Одно потеряли, другое зарыли, третье исказили... Вот, Герэм. Он со своей «звездочкой» рядом с одним из Посланных. Почему бы не зафиксировать Слово каким оно было, полно и без искажений? Не для человечества, если права не имеем, для нас.

– Утопизм! Мы ничего не решаем. И не меняем. Маленький отряд оперативного реагирования. С какой-то тайной задачей. И начинается она не от Священных земель, а от Нижне-Румска захолустного тянется.

– А на что опирается наш Куратор? Не может быть, чтобы над ним никого...

– Над ним, если кто и есть, тоже не все знает и понимает. Под звездами нет вершителей.

– Завтра мне приснится дурная бесконечность. Кошмар! Следующий голос нельзя не узнать. Энергия Сухильды не терпит неопределенности. Но все равно она умница.

– Развесь по своей комнате таблички с надписью: «Кошмаров нет!» И не будет их. А над всеми и всем один Хозяин!

И неважно, сколько под ним этажей-исполнителей. Для нас важно, – помнить это!

– Тогда ясно, кто зажигает для нас «звездочки». Но непонятно, что их объединяет. Каков критерий отбора? Рядом принцы и нищие...

– А у Наира – двойная нагрузка. Надо подумать, как ему помочь...

Я забеспокоился... Внимания к себе не хотелось. Спас Атхар, явившийся неизвестно как и откуда. Оглядел отряд и выразил неудовольствие:

– Стоп! Заговорили о том, о чем понятия почти не имеете. Или вы чем-то превосходите тех, кто Внизу? Да бытие ваше вовсе не абсолютно! Как и мое...

Это «не абсолютно» больно кольнуло меня прямо в сердце. Атхар нацелил взгляд на Ерофея-Лисия. Пытаясь скрыть возбуждение, тот отрывал от шлема красную пентаграмму, приклеенную им же. Он работает в том же Уруббо-Ассийском Альянсе, на несколько десятилетий раньше рождения Анвара. Придется сблизиться с Ерофеем-Лисием. Между тем Атхар, по моему мнению, совсем уж разошелся.

– Ну кто вы такие в истинном плане?! Может быть, мечты тех, кто живет Внизу. Просто мечты... Мысли человеческие не менее вещественны, чем сущности, их излучающие. Во-

прос лишь в тонкости материи. Возможно, вы такие, какими хотят видеть себя ваши «звездочки»...

Я похолодел. Не этим ли объясняется сходство, и не только внешнее? И что, я как будто бы и есть, и... Нет, невероятно! Что сегодня с Атхаром? Таким атакующим я его не представлял.

– В трудные моменты люди Внизу ищут помощи извне. Некоторые взывают сердцем, не языком. Многие не знают, кто вершит их судьбы. А вы знаете? Как часто вы посещаете Центр Религий? И так, чтобы всерьез? Тот ли вы оперативный отряд, готовый прибыть на помощь в критический час? А Внизу... Со «звездочками» или без них, человечество так и останется неуправляемым стадом. Вам ли не знать, как часто оно впадает в скотское состояние...

Пентаграмма упорно не давалась Ерофею-Лисию. И Атхар переключил внимание на меня.

– А что касается Наира... Опекун над Графом считай разминкой. Истинная твоя работа только начинается.

Ерофей-Лисий оставил пентаграмму в покое. На меня смотрели все. Да, чего не желаешь, того не избежишь...

– Империя, – это определенное состояние психики. Иницируется людьми, стремящимися стать господами мира. Империи создаются бунтующими рабами. В поле нашего внимания, – своеобразный оперативный отряд численностью в народ, происходящий из беглых рабов. Большинство из них не имеют царя ни внутри, ни вне себя. Я прав, Горо-

мир?

Напрасный вопрос, сказал я себе. Кто может сомневаться в правоте Атхара? Горомир дежурит среди болот и полуземлянок. В диком полусумраке, из которого и началась моя Империя. Наша теперь Империя. Куратор продолжал реформировать психику оперативников «Чандры».

– Скотское состояние плодит идолов тела, интеллекта, духа... Непрерывное расширенное идолопроизводство! Всем изучить территорию и время, в которых засветилась вторая «звездочка» Наира! Теперь о ваших правилах работы Внизу. Они были нерушимы. В частности: оперативник ведет одну «звездочку» от начала до конца. Отменяю правило. Далее. Каждому из вас определены запретные зоны, в которых и присутствовать нельзя. Отменяю. Вы ведете подопечных от одной узловой точки до другой, не пытаетесь вклиниться между ними. Отменяю. Система в курсе...

Смотрю на Атхара, пытаюсь понять то, что стоит за сказанным. На экране, даже Большом, многого не заметить. А здесь, в Оперативном отсеке, желтый, почти солнечный, живой свет. От уголков рта к крыльям носа пролегли глубокие складки, у глаз не морщинки, – почти борозды. Они выдают серьезный возраст. Но, – яркая цветная аура! В отряде такой ни у кого. Словно чистая Радуга над горным озером. Он сегодня необычен, – в глубине глаз таится тревога. Меняются незыблемые правила... Упоминание о главной задаче оперативного отряда... Невольно ухожу в свою память. В доступ-

ную ее часть.

...Мои первые дни на Базе...

Как их оценить, ведь сравнивать не с чем? Ускоренное вхождение в права и обязанности, – непонятно, какая между ними разница? Мой разум почему-то протестовал. Нормальной логики в нашей работе маловато. Мозги почти закипали от напрасного напряжения. Теперь легче, но ясности по-прежнему маловато.

...Я должен знать, что творится в душе моего подопечного. Но он – сам Граф! А я кто такой? И как в эту самую душу проникнуть? Стать своим в чужой биографии... Даже воздействовать. Стоять на страже и все такое. Сохраняя собственное инкогнито. Мы кто тут, ангелы? Или их дублеры?

Начинаю сомневаться в реальности не только отряда «Чандра», но и мира Внизу. Да, Атхар знает. А мне знать не положено? Его знание охватывает не только то, что происходит на планете и ее спутнике. Сокрытое знание. Или, по-земному, сокровенное.

Система огласила приглашение, – наверняка по инициативе Атхара! – в Нижне-Румск, и я поспешил на рабочее место. Нейтральная светло-голубая, усиленная на полу добавлением желто-белых ромашковых пятен, раскраска интерьера вызвала раздражение. Атхар обрел обычное спокойствие,

лишь яркий румянец напоминает о свежей вспышке. Если только она имела место на самом деле.

Вопреки предложению Системы я оставил канал связи с Сектором, – хотелось слышать реакцию оперативников. Пока сквозь пространственную сетку приближался к нужной точке, Система выдала краткую историческую справку о месте Нижне-Румска в имперском политико-экономическом раскладе.

– Да-а-а, – разочарованно протянул Майк, – До твоего Графа, Наир, ему не дотянуть. Никак.

– Еще бы! – согласился Ерофей-Лисий, – Родиться в такие времена! Сплошь райкомы, политотделы и губчека. И бараки по обе стороны любой дороги. Смотрите, каков пейзаж города!

Но Майк планирует будущее свежей «звездочки».

– Ну и что? Пристроить его в то самое губчека. Там пусть и раскрывается.

– Сомнительно, – отреагировал Ерофей-Лисий, – Там каждый под перекрестным огнем. Под прицелом. Психика травмируется непременно.

В разговор вступила Сухильда:

– Наир, определи ему срединный слой социума. Чтобы безопасно и не обидно...

Один Георэм не разделяет всеобщей озабоченности:

– Зачем вы накручиваете? Он до зрелости проживет в стабильном периоде. В любой Империи случаются тихие вре-

мена.

Но ясность у всех неодинаковая. Шелом, видимо, несмотря на просветительские усилия Системы, совсем запутался. И спросил тихо, ероша рукой черные кудри:

– Что есть такое Уруббо-Ассийский Альянс? Данная территория ассоциируется у меня с Империей по имени Сурия. В последние времена у меня нагрузка... Еще проблемы с великанами... Царь их боится, а мой Пилигрим игнорирует все правила безопасности. Я было собрался о помощи просить. Признаю, ошибся. У Наира ситуация сложнее.

Через канал связи донесся чарующий тембр шеломовского тенора. Стало полегче. Я представил растерянное смуглое лицо. И сделал очередное открытие: они с Пилигримом словно однайцовые близнецы. Ну нет в мирах случайностей! Есть мое непонимание. У них обоих одинаковое свойство: бескрайнее любопытство. Потому то и дело попадают в ловушки да капканы на Земле Пророчества.

Неосведомленность Шелома решил развеять Майк, уместив тысячи лет в несколько фраз. Майк талантливый упаковщик информации.

– После Потопа планета Внизу преобразилась. Похолодало, от полюсов разошлись ледники. Флора и фауна уменьшились в качестве и размерах. Атмосферное давление упало наполовину. Жизнь продолжилась в экваториальной полосе. Через несколько тысяч лет ледники стали таять и отступать. Освобожденные территории оживали, и началась миграция.

Целые народы передвигались на севера, гонимые перенаселением и повышением температуры. А люди и тогда делились на слои-касты. Ученые люди, правители, свободные работники и рабы. И вот часть рабов, по мере продвижения с юга к берегам Сурианского моря, бежала на восток, в дикие, необжитые места Уруббы. Оттуда и пошла сурианская цивилизация. По шкале времени Анвара, Объединенная мировая Империя сложится или в конце его жизни, или вскоре после. Наследники беглых рабов и господ объединятся. Сольются две психогенетические линии, каким-то образом сохранившиеся через многие века. Да, именно так. Именно поэтому низы востока Империи всегда стремились стать верхами. История тут переполнена переворотами, революциями, сменой диктатур, междоусобицей... Но да, Ерофей-Лисий прав. Твой новый подопечный, Наир, попал в относительно спокойный промежуток времени. Несколько десятилетий...

Вслед за Шеломом и я расстроился тем, как мало знаю. К тому же Система только что обозначила для меня несколько серьезных ограничений и запретов. Я растерялся. И обратился к Атхару, почти свернув погружение.

– Куратор! Это сбой? Мне запрещено проникать в будущее Анвара. Разрешено не более чем на два года. У кого из нас такое бывало?

Атхар ответил не сразу. А в Секторе установилась такая тишь... Я расценил паузу как нежелание открывать смысл.

– Отряд! Некоторые из вас имеют прямое отношение к этой планете. Нет, над вашей памятью я не властен. Но я... Ограничения там и тогда, где и когда вы пребывали прежде. Но они иногда снимаются. Не мной...

«Не мной»... Он сказал крайне важное. Но мое личное проскочило вперед. Я из Нижне-Румска? Тогда почему внутри я уверен, – нет, не моя это родина, устье Румы на окраине Уруббо-Ассийского Альянса. Прямое вмешательство в судьбу Анвара без согласования мне тоже запретили. Система конструкция мудрая, но на мои вопросы не ответит.

– Наир, не переживай ты так! – посочувствовала Сухильда, – Думаю, он избежит больших страданий и гибельных заблуждений.

Я улыбнулся ей мысленно. Что наши желания! Судьба Графа отстоит в прошлом на сотню лет и более. Тогда на земле Империи не было парада диктатур. И атеизма воинствующего не было. Тем не менее, он прошел через столько трудностей! Сухильда всем симпатична. В ней женская теплота просто через край кипит. И, похоже, без посторонней, то есть ее помощи, мне не обойтись.

Система выдала звуковой сигнал тревоги, продублировав красной вспышкой. На мгновение зависнув над деревянным серым Нижне-Румском, я ринулся на край города, к двух-

этажному строению, выкрашенному в неприятного тона зелень. Таких домов тут много. Наследие послевоенной скоростной архитектуры. Строили на время, а пригодилось на века.

– Ясли. Заведение для воспитания малышей вне семьи. Для родителей, вынужденных работать. Народу тут нелегко приходится.

Комментарий Сухильды... Я благодарен. Сделал усилие, чтобы проникнуть в комнату Анвара. Не вышло. Еще одно табу? Но ситуация критическая! Я снова обратился к Атхару. Отряд замер в ожидании, а ко мне напрямую подключилась Сухильда. Вдвоем мы преодолели вязкое сопротивление невидимой среды.

Несколько кроваток с орущими младенцами, в неприбранном помещении ни единого взрослого. Один из малышей, голый, ползет на четвереньках в направлении двери. Его царапает наждак деревянного, давным-давно крашеного пола; из щелей сочится холодный сквозняк, пропитанный запахом мертвой земли. Никакой изоляции! Кто тут руководит? И как он ухитрился выбраться из кроватки, не поломав ручки-ножки?

Это он!.. В отчаянии я поднял взгляд. Под потолком, прямо над Анваром, застыло серебристое облачко, очертаниями похожее на маленького человечка. Сухильда поняла раньше меня, – он ползет не к выходу из комнаты. Малыш вполне сознательно пытается покинуть бытие в Империи! Он остро

желает вернуться туда, откуда попал в этот неласковый мир. Я похолодел от своей беспомощности. И едва не застонал.

– Возвращайся! – приказал Куратор.

Перед появлением за рабочим столом услышал возмущенную мысль Сухильды:

– Там страдают, болеют, умирают... От глупости чужой и равнодушия. А у нас и насморка не бывает. Мечтам не при-
суци страдания?

Планета. Нижне-Румск

Не знаю, кого спросить. Столько неясного! Непонятно, почему жилплощадь в центрах дороже, чем на окраинах. Дом, в котором я живу, почти на краю города. Здесь чище и спокойнее. Небо ближе, звезды цветные. Луна крупная и золотистая.

В тихие чистые ночи звездный шепот открывает множество тайн. Но они возвращаются в небо на рассвете. Утром я забываю рассказы об иных мирах, наполненных блаженством. Остаются мечты о забытом. Они не прибавляют спокойствия. Они пробуждают новые вопросы...

Почему я оказался именно на этой планете и в это время? Здесь многое так противоестественно. Скорость течения времени на Земле превышает скорость света. Я живу внутри мгновения, кем-то растянутого. Страшно...

А люди делают вид, что их жизнь, – нечто долгое и даже нескончаемое. Это потому, что мгновение рассечено на совсем мелкие кусочки: дни и ночи. Они такие маленькие, что их невозможно ухватить даже мыслью – проскальзывают мимо, исчезая навсегда. Сумасшедшая скорость и неуловимость... Стабильность и устойчивость, любимые людьми, – самообман. За иллюзии они отдают то, что есть. И то, чего нет.

Они говорят: судьба! Я не понимаю, что это или кто.

Воевать с непреодолимой судьбой напрасно. Для мира с ней изобретаются счастливые дни и даже годы, наполненные успехами и достижениями. Тем, чего нет у многих. Так утверждаются ориентиры собственной значимости.

Когда я заключил мир с судьбой? Из закрытого личного времени иногда всплывают смутные ощущения и видения. Запахи, звуки, цвета... Как призрачные маяки... Это трудно, но их можно расшифровать.

Через них узнал, что примирился с течением времени через любовь мамы. Единственная на Земле реальная любовь. Все прочие виды межчеловеческой любви, – заблуждения, сдвиги в психике.

Кое-что из Закрытого Времени открыл отец. Я любил сидеть меж картофельных грядок и петь веселые песни. В них вставлял фразы из Священного Писания, которым учила меня мама. Да, мелодии и слова приходили через нее. И покинули меня вместе с ней. А в жизнь внедрилась темная масса новой реальности. Непрозрачная, не фиксируемая напрямую, она не пропускает меня в мое же прошлое. Сколько раз я пытался ее преодолеть! Удалось совсем немного...

Однажды, в вечернем предзабытии, явилась живая картинка... Обеденный деревянный стол, накрытый на четырех. В центре, – громадная чаша дымящейся гречневой каши с плавящимся ярко-желтым куском сливочного масла. Сжимаю в пальцах деревянную ложку. Первым начал отец; я вижу его руку, закаленную трудом по изоляции внутренних

помещений торпедных катеров. Он наполняет расписанную в цветочек ложку кашей, макает в углубление с растаявшим маслом, торжественно отправляет в рот, медленно пережевывает. После чего смотрит на маму, одобрительно кивает. Мы с братом начинаем дружно и активно повторять движения отца. Мамина ложка появляется редко: она больше смотрит на нас, чем ест. Ее лицо и фигура в плотном тумане, края картины тоже размыты, за завесой.

Еще одна картинка...

Долгая буранная зима... Снежные вихри кружат над городом сутками, заваливая дома до коньков крыш. Я сижу рядом с печью, растопленной до тугого жара. Это кухня; мы здесь все, вчетвером. На этот раз смотрю со стороны, но вижу только себя. И, – нечетко, как на полупроявленном фотоснимке. Над головой, – лампочка накаливания в черном патроне. Она как маленькое солнце: от ее света плотный крупчатый снег, закрывший окно, стал желтым, и кажется теплым. Дрова звонко потрескивают, пламя гудит, отражаясь красными пятнами на моих полупрозрачных коленях. Сквозь зернистую снежную желтизну окна просвечивает синева вечернего неба, подкрашивая стекла надежным металлическим оттенком. В маленькой кухне, – мир, уют, безопасность. Мне этого достаточно.

...Так создавались единство и родство, у которых нет будущего. Отпечаток исчезнувшего мгновения... Да, иллюзия! Не может объективно существовать то, что вот-вот исчезнет,

оставив зыбкий след в неизвестно где прячущейся памяти. Почему иллюзии насыщены эмоциями? Чтобы придать им достоверность?

Редкие и короткие воспоминания отца более точны, чем мои попытки проникновения через завесу, разделившую жизнь на две части. Но и его память заблокирована от моего проникновения в Закрытое Время. Между нами непреодолимая преграда, – конкретный человек.

Опираясь на кусочки известного, я сделал важную и точную реконструкцию.

...Мне пять лет. Наслаждаюсь солнечным светом, чарующим запахом теплой земли и цветущей картофельной зелени. Земля семейного огорода пахнет особенно, она обладает живым, мягким и ласковым разумом. Мама рядом, занята окучиванием кустов.

Какой-то голос, совсем не чужой, негромко произносит:
– Эй, Свет-Анвар! Тебе требуется еще одно имя. Данное тебе матерью, – для вечности. А второе будет для здесь... Вот это подойдет?..

Я тут же соглашаюсь и воодушевленно восклицаю:
– Мама! Пусть с этого дня все, кроме тебя, меня зовут Валерием.

Кто говорил со мной? Мама утвердила предложение. Два

мира, – два имени. Это важно на Земле. Злу труднее достать тебя, так как оно действует только через внешнее. А суть человеческая – в имени внутреннем. В пять лет я понимал, что за пределами маленького моего семейного пространства, в большом мире, царят зло и беспорядок. Это понимание пришло от мамы и стало общим для двоих.

Второе имя пришло вовремя, – мир с судьбой закончился. Пришли страх и ощущение бессилия. Скрывающееся за бесформенной судьбой зло взяло в плен маму. Она стала болеть, все чаще и тяжелее. В семейный лексикон вошло ненавистное слово «приступ». Оно влекло к дому белую машину с воющей сиреной и жирным красным крестом. Потом, – носилки, больница...

Тайный враг стремился разъединить нас. Он крепко знал, что без нее мне в этом мире делать нечего. Без нее все кругом чуждо и лишено жизни. За безжизненный мир держаться никакого смысла.

Медицина – одна из устойчивых иллюзий земного бытия. Врачи ничего не могли, как всегда и везде. Безднадежность порождает магию. За магией прячется все тот же невидимый враг. Амулеты, обереги, заговоры... Магия вытесняла веру, звучавшую в моих песнях на картофельном поле. Младший брат носил в кармане прядь маминых волос. Кто его надо-

умил?

У мамы хватило сил на прощальное путешествие. В начальный центр Империи, на свою родину. Но и туда я не в состоянии пробиться; места рождения и взросления отца и матери, – в Стертом Времени. Удалось, ценой предельного напряжения, сделать всего три проникновения. И, – они напрямую не связаны с мамой.

Вначале оказался в родной деревне отца. Дом на холме, внизу извивается ярко-голубая речка, окаймленная розовым тальником. В другой стороне за край горизонта уходит желтое поле зрелой пшеницы. Точно как на картинке с обложки учебника «Родная речь». Живой хлеб вижу впервые. Как не коснуться его?

И вот, я внутри ожившей картины, среди золотых колосьев. Колыхание и аромат хлебных волн заставили забыть обо всем. Отыскали меня в конце дня. Почему мне был показан земной хлеб прошлой жизни? Людей в той картине нет...

Второе проникновение... Я на коленях столетнего деда по отцу. Он седобород и румян, как здоровый мальчик. Подбрасывает меня в воздух одной рукой, а другой подхватывает, – ощущение восхитительное. В свои сто дед способен тянуть воз с сеном на гору сам, жалея уставшую лошадь.

С того времени в моей биографии нет места ни дедушкам, ни бабушкам. И в этом скрытый смысл, знамение.

Третья попытка привела к развалинам непонятного строения. Я сижу на сухой бестравной почве и сооружаю домики

из осколков бетона и стекла. Домики выстраиваются в улицы. Таких поселений из стеклобетонных коробок тогда не возводили. Они из будущего.

Цели я не достиг. Увидеть маму живой не получилось. Несколько черно-белых любительских фотографий недостоверны. Темное Нечто устранило ее из моей памяти одним ударом и навсегда. И за это я с ним посчитаюсь.

А пока ничего не могу. Он собирает вокруг меня войско. Оно состоит из злых черных собак, пауков, комаров, змей... И – темных людей. Складывается жуткая сказка, пострашнее тех, которые рассказывает Гена Епифан. Дом Гены на соседней улице и он знает страшных историй больше, чем кто-либо в Нижне-Румске. Я иногда поздними вечерами включаюсь в компанию кругом него и слушаю с замиранием сердца. Возвращаюсь один, но откуда-то приходят яркие видения, отгоняющие страх. И прихожу домой спокойный. У отца нет повода переживать из-за меня.

Мама отказалась от больницы и просталась с миром в родном семейном доме. Она знала время ухода и то, что скажет напоследок. Такое дается немногим.

Этот момент запечатлен в памяти накрепко и не требует реконструкции. Мне одиннадцать, брату девять. Она простилась с нами и говорила с отцом. Говорила о главном, потому что видела варианты будущего.

– ...Ты не найдешь такую, как я... Береги детей. Не женись раньше, чем через год...

Да, она знала: отец переживет ее более чем вдвое. Он здоров, силен и красив. Увиденное и услышанное впиталось в мою кровь. Она уснула насовсем тихо и спокойно. Ангелы позаботились об этом.

Отец с братом разрыдались и обнялись. Я вспомнил в тот миг: они точно так же плакали, когда из черной тарелки на стене государственный голос сообщил о смерти Вождя.

Я не заплакал. И не стал прижиматься к отцу. Ощущая, как качаются небо и земля, вышел в другую комнату и упал ничком на кровать. Я твердо знал, чего хочу и что делаю: то была попытка уйти следом за ней. И мир померк для меня.

Очнулся я в следующий полдень. Оранжевое декабрьское солнце светит слишком ярко. Желтый снег искрится и слепит глаза. Смотрю через окно Михино дома, через улицу напротив. Рядом с отцовским домом стоит грузовая машина с опущенными бортами. На ней обитый красным ситцем гроб, суetyающиеся люди... Я хорошо понимаю, что происходит. Но не переживаю нисколько.

Там, где я пробыл последние сутки, из меня вынули часть предыдущей памяти. Взамен дали иммунитет к новой жизни. Что стало спасением, но я это не сразу понял. Стало не с чем сравнивать наступающее настоящее, оно воспринималось естественным. С данным природой не спорят. Такое положение исключает протест, способный исказить будущее. И если в устранении воспоминаний замешан мой враг, он ошибся.

В тот день я закрылся. Схлопнулся, как звезда, которой надоело светить.

Отец через полгода поехал на «родину» и вернулся с ма-чехой. Нечто из темноты указало ему на разумность тако-го решения. Ошибку он понял уже там, но после юридиче-ского оформления нового союза. Я узнал раньше, предви-дел. И запретил ей называть меня именем, которое дала ма-ма. Она усвоила непреклонность запрета не сразу. Пришлось несколько раз обрывать попытки присвоить мамино право. Первые опыты резкого отпора...

Внепланетная база «Чандра».

Сектор Боевой Подготовки.

Наир. Новая точка отсчета

Граф на меня сильно повлиял. Свою жилую комнату превратил в копию его кабинета. Хотел проникнуть в ядро личности. Не вышло. Опекун над ним с появлением Анвара с меня сняли. И вот, – неожиданность! Граф собрался бежать из «семейного рая». Он понял, что дорога отсюда ведет прямо в ад. Он испугался. У меня ни права, ни возможностей помочь ему. Да и понятия не имею, как. Рай и ад – не пустые ли слова? Тяжело наблюдать со стороны над душевными муками великого человека, ставшего почти родным.

Хронометр Базы настроен на ритмы планеты. Мы говорим, – Внизу. А вот, она висит над головой в обрамлении крупных немигающих звезд. Во вселенскую черноту меж ними купол Базы добавляет оттенок нежной синевы.

Я вышел на час раньше. Предстоит полное воплощение, первое в Нижне-Румске. Там что-то зреет... Полное воплощение – маленький прыжок в неизвестность. Всегда есть риск выскочить где-нибудь в созвездии Стрельца. Люди отряда перед дежурством предпочитают побывать в Секторе Отдыха. Мне там не очень нравится. Подделка, фикция, мираж... Имитация природы планеты. Даже Радугу создать

невозможно. Сколько раз пробовали.

Так что разомнем косточки в Центре Боевой Подготовки, сказал я себе. Тут есть чем позабавиться. Тренажеры-трансформеры позволяют испытать ощущения хоть пилота боевого дисколета! Полоса препятствий, стрельбище... Всякое-разное холодное и горячее оружие... Пульт управления боем позволяет проверить верность любого тактического решения. Горячий металл, плазма, огонь... Я предпочитаю совмещать полигон и полосу препятствий. Нагрузка что надо, иногда появляется что-то новенькое из стрелкового оружия. Лучшее, – автоматы сурианского производства. Свежего экземпляра не нашлось, добавил к амуниции пистолет-пулемет Коламбийской Федерации.

– Хочу атаковать ночью позицию десантного отделения через полчаса после приземления, – сообщил я Системе, – И чтоб немного грозы с дождичком.

Отделение в круговой обороне; пешая атака бессмысленна, у противника нет флангов... Система при организации боя опирается на известные боевые уставы. Мне позволено импровизировать сколько угодно. До победы или поражения. Гроза заменит осветительные ракеты. Оригинальность замысла и внезапность, – мои козыри. Я понимаю, что идти одному против десятка опытных солдат с боевой машиной, – авантюра. Шансов выжить практически нет. Но понимаю также, что мне противостоит Система. Обыграть ее, – что может быть приятнее!

Сверкнула молния, пробив завесу дождя. Я решил: прыгнуть на них сверху, захватить боевую машину и с ее помощью добиться цели. Закрепляю на спине ранец с реактивным патроном, нажимаю кнопку. Толчок подбрасывает метров на тридцать, и вот я над десантниками. Тут вспыхивает молния, и в мое тело перед приземлением утыкается сразу три трассирующие автоматные очереди. Я мог такое учсть.

– Наир, ты убит, – объявляет Система.

Очень хорошо. Возможно, сегодня поражение лучше победы. Снаряжение, – в шкаф, оружие и оставшиеся боеприпасы, – на склад. Я проиграл бой из-за психической нестабильности. Из-за сомнений в себе.

Зреет впечатление, что нахожусь не на своем месте. Не там пребываю, где положено. А где еще пребывать? Большинство наших «звездочек» звезд с неба не хватают. Так себе... А мой Анвар вовсе лишний в своем мире. Ну не хочет присутствовать он на земном свете! И что я могу поделать?

Хитрый друид по имени Гуэн, которого «пасет» Аллан... Сын жреца и рабыни, почти бастард. На что он способен? В чем его ценность? Аллан говорит о талантливости. Да талантливых в любой эпохе не перечесть.

Подопечный Лирия, купец-бизнесмен Грек, то и дело теряющий капитал из-за неуживчивого характера... Недавно своими глазами смотрел, как его братья-торговцы изгоняют из купеческой гильдии за игнорирование правил кастового этикета. Другими словами, – за жульничество. Этот непо-

нятный деятель желает создать «общий рынок», объединить враждующие народы. И заработать на интернационализации капитала. Не то время. Грек желает мочиться против ветра; Лирий вместе с нами должен менять ему штанишки?

Да какой мы пока оперотряд?! В отрядах каждый выполняет свою часть общей проблемы. Куратор только намекает на приближение такой суперзадачи. И привязал ее к рождению Анвара. Тем самым обозначил конкретную точку отсчета. Что это значит? Начало очередной новой эры? Да будь он хоть гением от рождения, кем станет в своей Империи? Тем более, что жизнь начинается на самом ее краю. И, уверен, не будет он стремиться к самореализации. Если выживет, конечно. В Империи каждый за себя, даже в группах, союзах, партиях. Кто из власть имущих поможет человеку из неграмотного рабочего слоя?

Представив, как буду изо дня в день наблюдать за беспросветностью бытия своей «звездочки», пришел в отчаяние. И тут осенило: я нашел то, что объединяет всех наших «звездочек».

Они не хотят борьбы за то, что у них имеется, – за искру гения. Они не желают славы. Никаких медных труб! И за это их не любят окружающие, лишенные искры.

Мы, оперативники, не понимаем чего-то крайне важно-

го. Несомненно, у всех подопечных высокое предназначение. Но мы не видим этой высоты. Потому что не знаем своей миссии! Из нас лепят суперменов, героев земных комиксов. Мы живем в реальности, которая с Земли неухватима. База «Чандра» для землян не существует. И не только для землян. А оперативник может попасть в любой временной слой планеты, в любую ее точку. При условии присутствия там «звездочки».

На геостационарных орбитах наши маячки, даже в солнечной короне размещена какая-то аппаратура. Оперотряд использует инфраструктуру, созданную неизвестно кем и когда.

В голове закружил вихрь. Задетые им, крутнулись серебристые стены Сектора Боевой Подготовки. Я провалился в бессознательность, чтобы очнуться в чьем-то сне. И через мгновение понял, – в сновидении Анвара! Повзрослевшего, такого, каким его еще не знаю.

О, это сновидение! Нас учили управлять сюжетами снов. Я попытался, но куда там!

Ничего четкого, ясно определяемого... Сплетение образов в красках, звуках, запахах. Но, – странно! – Анвар сохраняет мышление внутри собственного сна! И его мысли, осознание происходящего вошли в меня. Именно так: не я в него, а он в меня проник; он вовлек меня в сон и свое подсознание!

Теперь мы оба внутри столкновения полярных субстан-

ций человеческой вселенной. Творится невообразимое... Как такое вмещается в него, ведь он не прошел школы «Чандры»? Да и никакой другой подготовки не имеет.

Нечто вязкое и могучее, багрово-черное... Оно тянет ко мне множество змеиных щупалец, сверлит кровавым взглядом. Но рядом со мной противостоящее ему сказочно-радужное сияние.

Борьба сказки и были, яви и неяви? Всюду живые тени, серые и цветные. Они сталкиваются в схватках, одиночных и групповых. Рождаются и гаснут звезды, успевая за миг оформиться в галактические скопления.

Вот где место нашему оперотряду, и не одному. Десантироваться и встать на сторону радужных существ, так напоминающих людей! Только намного более красивых и могучих.

Где это происходит? Я внутри истинной реальности, без сомнения. И как туда проник Анвар? Да, прав Атхар, с его появлением открылась новая эра, обозначилась свежая точка отсчета.

Занавес сна закрылся. И я спросил себя: откуда пришла та странная женщина-спасительница обреченного младенца? Неужели из мира Радуги? А на территории Империи воплощается отражение увиденной мною борьбы, ее теневого плана. Моя «звездочка» вовлечена в нее изначально, с момента рождения. И я вместе с ним. И весь наш оперативный отряд. И не только он...

Но как он вмещает в себя такие видения, сохраняя разум?

И означает ли это, что он отказался от идеи саморазрушения?

Я вышел из чужого сна мокрый, охваченный дрожью от холода космоса. И ясностью: истинно происходящее не отражено Внизу ни в научных теориях, ни в исторических трудах. Тем более в учебниках.

Вспомнил просветительский экскурс Майка.

Земля в очередной раз меняет облик. Начинается очередная великая миграция народов. Рабы, пользуясь ситуацией, ударяются в бега. Они желают стать свободными, то есть господами. Бегут они в леса дремучие и селятся у болот, в непроходимых зарослях. Да, здесь их не будут преследовать. При наличии верных исходных оснований они способны создать великую цивилизацию. Но увиденная мной во сне черная субстанция поглощает и пережевывает их творческую энергию. И предлагает, – то есть вкладывает в мозги, – стремление к легкой добыче земных благ и верховенству. В итоге мы имеем то, что отражено на политической карте времени Анвара.

Учебники истории, формирующие национальную идентичность? История фальсифицирована темным Нечто, оно контролирует и эти знания.

Бинарность сотворенного не людьми мира становится

жестоким противоборством серо-черного и многоцветного внутри человечества. Братская война до самого заката... Меняются поколения, но сохраняется деление на своих и чужих. Братья организуются в противостоящие оперативные отряды разной численности, но одинаковой злобности. К какому примкнет Анвар?

Я окончательно пришел в себя и удивился, уже без содрогания. Ведь не только сновидения, но и размышления не мои. Установился тайный канал связи неизвестно с кем? Но не до вопросов, – в сознание пробился сигнал тревоги, звучащий неизвестно сколько. Так, Система потеряла меня! И, – что-то случилось. На тонкий миг, одним касанием, прошелестел рядом голос, как будто узнаваемый:

– Ну и что? Ведь это не здесь. Там, Внизу. А ты – неуязвим. Ты – мечта...

За моим рабочим местом расположился Атхар. Прошло времени совсем немного, а я смотрю на него как после долгой разлуки.

Какое интересное лицо! Как он смотрит! Глаза светят тем, что Внизу называют родством, и этот взгляд проникает в самое сердце. И в центре моего существа что-то нагревается, распространяя тепло до ауры.

Без слов ясно, что делать. Захватив по пути свободный

стул, я устроился рядом и запараллелился. Атхарово сознание соприкоснулось с моим. Так, полного погружения не будет. Войдем на второй, виртуальный уровень. Но, – с отрывом от Системы. Отрыв!.. Невиданное дело, небывалое. Но так решил Атхар. Рискованно, но ведь с ним...

Мы «приземлились» в доме «звездочки». Ситуация, конечно же, критическая. Мать Анвара уходит из жизни, а он решил последовать за ней. Он убежден: она его единственная заступница. А психика человеческая, поглощенная одной задачей, способна ее решить.

Я попытался пробиться в глубину его сознания, но получил сильнейший отпор. Мальчик одиннадцати лет отбросил меня легко, почти и не заметив, как комарика. У Атхара получилось. Он смог преодолеть контролирующий слой сознания Анвара и занялся анализом психоприоритетов. Мне оставалось наблюдать. Потеря сознания «звездочкой» оказалась неожиданной и для Атхара. Итак, он тоже не владеет ситуацией. Что происходит на самом деле? Я засуетился, заволновался. И Атхар выпроводил меня за пределы дома.

Нижне-Румск, на мой взгляд, город неприятный. По образу бытия они тут недалеко ушли от первопредков, заселивших восток Уруббы. Беспорядок в планировке, примитивные строения... А ведь место для поселения удачное, красивое и обильное. Но этот город скоро превратится в резервацию для людей, не имеющих возможностей для переселения.

Стартовые условия в биографии имеют значение! И ка-

кое!

Но, надо признать, зима здесь очаровательна. Снег многоцветно искрится, солнце мягкое. Улица Северная приятно поскрипывает под валенками обитателей. Все условия для праздника, а происходит трагедия, финал которой мне неизвестен.

Вечер и ночь прошли в полной тишине. Небо меняло декорации бесшумно, через скольжение полутонов. Бесчувственного Анвара перенесли в дом напротив. Правильно. Люди тут добрые, а их старший сын Миха, – одноклассник и приятель Анвара. Благодаря матери «звездочки» его семья в дружбе и согласии с соседями.

Атхар разрешил приблизиться на следующий день. Вид Анвара меня поразил, он стал совсем другим. Очнулся ровно через сутки, и я не понял: то ли с помощью Атхара, то ли естественным образом. Не человек, а робот... Поднялся с кровати как ни в чем ни бывало. Спокойно подошел к окну, остановился. Отсюда хорошо видно все, что происходит у его родного дома. Под цветным сиянием полудня формируется похоронная процессия. А он невозмутим как внешне, так внутренне. Взгляд равнодушный, неживой.

Что за контрасты и метаморфозы!/? Атхар молчит, я ничего не понимаю. И пытаюсь еще раз «подойти» к Анвару, чтобы увидеть, какой «выключатель» превратил мальчика в куклу. Меня отбрасывает с не меньшей силой, чем накануне. И тут же получаю команду Куратора на возвращение. В

нашем присутствии на улице Северной нет нужды.

Да, контрасты... На Лунной Базе серая бесцветность. Убираю со лба пот, мокрый платок в руках дрожит. Атхар, скользнув взглядом по мне, говорит Сухильде:

– У него исчезла память о прошлом. Стерто все, что связано с матерью.

– Как это? – удивилась Сухильда и протянула мне свой платочек, с вышитыми по краю цветочками. Платочек пахнет свежим снегом.

– Результат вашего вмешательства? – прямо спросил Горомир.

– Не знаю, – ответил Атхар, – Маловероятно. Едва ли.

И снова посмотрел на меня. Я ощутил, как он устал. Сейчас незаметно исчезнет и вернется неизвестно когда.

– А прочая память? Школа, контакты и все такое? – спросила Сухильда, осуждающе взглянув на Горомира.

– С этим порядок, – сказал Атхар и, мягким движением стянув с головы шлем, поднялся с кресла.

Отряд молчит. Все видели и ощутили то же, что и я. Услышал голос Шелома, не обращенный ни к кому конкретно:

– Мистический план бытия... Сразу и не определишь, к добру что или...

Нижне-Румск. Валерий. Перемена координат

Сердце мое трепещет во мне, и

*Смертные ужасы напали на меня;
Страх и трепет нашел на меня, и
Ужас объял меня.*

Псалом 54

Взгляд из Михиноного окна, – точка в забвении. Что было, – не имеет значения. Здесь, – начало темной ясности. У меня не стало родного дома, придется смотреть на улицы из чужих окон.

Я не успел, не получилось... А сколько было попыток уйти! Вчерашняя, – последняя? Я что, сам ничего не могу? Да, застрял на Земле основательно. Мама спасала от всякого зла. Впереди, – одиночество среди чужих людей. И поговорить не с кем. Защиты нет, полная беспомощность...

В воздухе какое-то напряжение. Или волнение. Не знаю, как назвать. И чей-то взгляд, совсем рядом. Невидимки существуют?

Нижне-Румск – на всю жизнь? Навсегда, навечно? Но это место не для людей. Оно для медведей, рысей, кеты и осетров. Сопки и вода... И горизонта нет. Мрачно-зеленые горы на том берегу подмяли его под себя.

Руму не переплыть, слишком широка. С северной стороны тайга. Она бесконечна, ее не перешагать. Да и зачем идти, если некуда?

Миха знает с рождения: где родился, там и пригодился. Я не представляю, кому я тут могу пригодиться. Да и не желаю

представлять.

Туманное Нечто, – убежден! – где-то рядом. Нет, это не оно смотрит на меня из невидимости. Нечто готовит что-то новенькое. А со вчерашнего дня негде спрятаться.

Ну и что? Посмотрим... Не может быть, чтоб совсем уж не было способа вырваться отсюда...

Часть вторая

Введение в Амравеллу

Валерий. В кольце Крайнестана

Отец привез с Большой Земли женщину моложе себя лет на пятнадцать, реактивную в словах и действиях. Построил меня с братом в шеренгу, указал коричневым рабочим пальцем на нее и приказал:

– Будете звать ее мамой!

Лучше бы он этого не говорил. Я хотел взорваться, но не хватило ярости. И сжался, чтобы стать незаметным. Тоже не получилось.

– Мама сказала: через год, не раньше!

Такую фразу я приготовил, чтобы выкрикнуть. Но отец смотрел так, что слова застряли в горле.

Прибытие мачехи ударило так, что разлетелся крепко сжимавший полугодичный ступор. И я стал спокойно перебирать варианты собственного поведения. Нечто приблизилось. Возможно, оно даже поселилось в этом доме. Происходит такое, чего я не мог ожидать. Воздух переполнился громкими словами, посторонними людьми, незнакомыми запахами. По всяким поводам пошли застолья. Мачеха активно заявляла о себе: уверенно верховодила за столом, использовала блатной жаргон, пела национальные песни и ставила пе-

чати на любой вопрос или человека. Под ее пляску с частушками гнулись доски пола, воздух в доме сухо звенел от повышенной температуры.

Рюмки-стаканы ритмично поднимались-опускались, создавая всеобщее довольство. Зачарованный самогоном, который мачеха гнала из любого подручного материала, народ восторгался новым порядком в доме отца.

Я стал ненавидеть модный первач и красный винегрет. Мне исполнилось двенадцать, отец посадил за «праздничный» стол, налил стопарь и сказал:

– Ты уже большой. Можешь и выпить...

Голос был его, слова – мачехи. Отец, а следом младший брат, вошли в новую жизнь без сопротивления. Я внутренне отторгал все, не пытаюсь даже анализировать.

Готовила мачеха умело, много, часто экзотику. Видно, отец нашел ее на большой кухне. На той кухне, кроме поваров и продуктов, обитали тараканы, мыши, мухи, пауки и черви. Почему отец их не заметил? Разве можно на такое не обратить внимание? Однажды она сварила суп. Мощный супчик: мясо, капуста с другими овощами, приправы всякие. А на поверхности тарелки, в пленке жира, – множество белых упитанных вареных червячков. Аппетит улетучился быстрее горячего пара. Отец с братом взялись за ложки с великим энтузиазмом. Я поднялся и сказал:

– Не хочу есть. Можно, пойду на улицу...

Я не спрашивал разрешения, слово «можно» использова-

лось как дань в игре по чужим правилам.

Провал между мной и мачехой углублялся. От супчика к кашке, ото дня к ночи. На расхождение внимания не обращали, но оно проникало и в сны.

С отцом у нее очень быстро сложился общий язык. И по вечерам он воплощался в бесконечный диалог. Он поддакивал и посмеивался над колкими замечаниями в адрес соседей и других знакомых ей людей. Лексикон со временем совершенствовался, доходя до изощренности. От их разговоров, иногда касавшихся меня, вечерние сумерки делались непроницаемыми. Я проверял: от ее слов бледнеет Луна и тускнеют звезды. А многие гаснут раньше положенного.

Не думаю, что мачеха любила мрак. Кто его любит? Она его тоже боялась, я это чувствовал. Но он тянулся к ней, сворачивался вокруг змеиными кольцами, которые постепенно набирались сил и расширялись. Кроме меня, наступлению тьмы никто не противился. Но мое сопротивление ограничивалось внутренним миром.

Отец, как и большинство обитателей Империи его круга, убежден: домом, – то есть хозяйством и семьей, – правит хозяйка. А он – главный добытчик, но не воспитатель или контролер-ревизор. При матери так, – правильно и верно. Теперь такой уклад неправилен. Даже если другой невозможен.

Я перешел в седьмой класс, мачеха приобрела гармонь-трехрядку и голосом отца приказала:

– Учись! Чтоб через месяц играл...

В моем положении не все приказы обходят. И стал я сопровождать песни-пляски музычкой. После «третьей» качество исполнения теряло значение. Главное, – держать ритм. Чтобы тряслись полы и звенела посуда. Лучше б она купила ударную установку.

Оргии, – из которых рождается, как утверждают специалисты, народный фольклор, – научили отключаться от окружающего. Я видел и слышал совсем другое. Туманные воспоминания, полуузнаваемые проблески потерянного запаха и цвета... Иногда, – что-то невыразимое, но чарующее. Из всего складывались живые образы.

Однажды попал в странное место, которого не найти на всей Земле. Будто звучит моя гармошка в сопровождении барабана с латунными тарелочками. А сам я сижу за накрытым по-мачехиному столом в компании разных людей. Напротив, – пестро разодетые, напомаженные, несимпатичные. Они поют, пляшут, пьют, закусывают. А рядом, – другие, светлые и цветные, легкие и чистые. Словно эльфы из хорошей сказки. Они не пьют и не едят, а просто наблюдают. И стало почему-то больно и тоскливо. Очнулся от слез, падающих на ненавистную гармошку. Без слов отложил ее и вышел во двор из не своего дома.

Среди эльфов из видения запомнил одного, самого могучего. Чернокудрый, с крупными добрыми губами, он смотрел на меня через прищур тяжелых век... Командир эльфов, – дошло до меня. Но смотрел он как старший брат...

Улица Северная такой ширины, что камень не перебросить. Весной она покрывается одуванчиками, летом клевером и ромашками, зимой толстым слоем снега. Машины по окраинным улицам не ходят, после снегопадов можно переходить с улицы в огороды и дворы, не замечая заборов.

В мою тринадцатую зиму весь месяц январь падал с неба особый снег: тяжелый, липкий, архитектурный. Занялся строительством в огороде подснежных лабиринтов. Огорода не хватило, продолжил на улице. И тут возвел городской микрорайон высотой в собственный рост. Многоэтажки простояли до весны, привлекая прохожих. Как я мог знать, что мне придется жить в одном из этих домов? Я повторил в деталях то, чего еще нет в природе Империи...

Архитектурная практика продолжилась летом: построил улицу на окраине воображаемой деревни. И выбрал домик для перламутрового пластикового автомобильчика. Этот домик через годы я приобрел. Деревенская улица оказалась точно такой, как миниатюрная из досточек и фанерок. А большая копия игрушечного дома понадобилась для реабилитации после выполнения имперского интернационального долга. Обязательство перед Империей вещь тяжелая. И чтобы оплатить, снять его, иногда требуется вся жизнь без остатка.

Я постоянно искал, чем себя занять, чтобы отодвинуть тоску и непонимание. Никакое занятие не помогало. И часто возвращался к той мысли-цели, которая вошла в меня в первый день рождения. Тело слабело, болезни цеплялись в любое время года. Болел часто и серьезно, с полной потерей чувств. Беспмятство – сильнейший наркотик. В больницы не принимали, и реабилитация всякий раз проходила на огороде. Восстановив способность ходить, навещал соседние усадьбы. Интереснее других – огород Мосола. Земля в нем источает запах мягкий и молочный, а действует магически. Чем еще объяснить загадочный факт: у матери Мосола грудь всегда полна молоком. Когда бы я ни явился, она сажает обоих за стол, ставит два граненых стакана, обнажает грудь и нацеживает их до краев. Мосол зовет ее Катькой, а бабушку Мамкой. Есть у него и дед, начальник цеха на отцовском заводе. Но отца своего он не помнит и называет Матросом. Как-то, вернувшись из дальнего плавания, отец-Матрос застал жену в позиции измены. Отходил ее якорной бляхой на кожаном ремне и исчез из семейной биографии навсегда. Мосол, как и Миха, рос независимым, здоровым, и знал, чего от жизни хотеть.

Но все же семисоточный огород при доме отца, – особенный. Здесь обитает множество насекомых, червей и прочих

незнакомых тварей. Такого многообразия нет нигде. Они поселились тут до мачехиной эры, им до нее никакого дела. В мире я с ними со всеми, но дружу с божьими коровками. Они внимательно слушают. Я рассказываю о том, что узнал из книг и в школе.

Божьи коровки самые умные и полезные из насекомых. На цветных крыльях по семь круглых пятнышек, по дням недели. Бывало, после болезни у меня появлялась шоколадка. Я сохранял шоколадные крошки в кусочках фольги и угощал их. Показывал картинку на бумажной обертке, хрустел серебром фольги. Хруст звучал как волшебный голос и я пытался представить лицо говорящего на ином языке.

Ослабляя тело, болезни обостряли чувство единства с чем-то большим, таящимся внутри природы. Стоит переменить походку... Когда ступаешь по снегу осторожно, не похозяйски, он отзывается сочувственно мерцающим светом. Рядом ложатся на сугробы оранжевые пятна, – отражение солнечной ласки. Улыбаюсь Солнцу в ответ и возвращаюсь. Бревна стен дома отсвечивают и пахнут апельсинами. Я их не видел, но познал их цвет, запах и вкус из рассказа «Апельсины из Магриба».

Но и по добрым зимам гуляет недоброе зло. На соседней улице увидел рысь в охотничьих санях. Светло-золотая, уши

с кисточками, глаза солнечные, но злые. Какая она гибкая, сильная и красивая! Знаю – Нечто готовит охотников и на меня, чтобы связать по рукам и ногам. Посмотрел рыси в глаза, и она ослабила сопротивление путам: впервые встретила сочувствующего человека. Мы с ней не расставались взглядами, пока сани не свернули на перекрестке.

В перерывах между болезнями – школа. Чуть интереснее, чем дома или на улице. Но и там никому не надо, о чем ты думаешь и чего хочешь. Но здесь можно говорить «нет». Я обрадовался, когда понял. И начал с того, что отказался петь в хоре. Все равно приказали встать в строй. Вот тут повеселился: заорал, перекрыв мощью все три шеренги. Хормейстер схватился за сердце и запретил показываться на глаза.

Класс менее организованная толпа, чем хор. Но и тут принудиловки да стандартизации через край. В шестом классе я засомневался: неужели верного ответа на вопросы и задачи можно добиться только теми способами, которые предлагают учителя и учебники? Присмотрелся и оказалось: в математике и физике система доказательств и решений складывается из небольшого набора аксиом и базовых формул. Все прочее, – чистая вода. Сходное положение и в других предметах. Я перестал переживать из-за пропусков, отказался от собственных учебников. Ушла еще одна проблема, – просить мачеху об их приобретении.

Оказалось, учиться в школе проще простого. В начале сентября брал на день-другой учебники у одноклассников,

просматривал-перелистывал, а затем переписывал и запоминал исходную систему годовичного курса. Теперь не было нужды слушать озвучку учебников и выполнять домашние задания. И тем самым освободился от предлагаемого единственного алгоритма в использовании исходных аксиом и формул. С ними можно играть: переставлять, соединять как захочется.

Уже в начале учебного года я мог дать свой верный ответ на любой вопрос по всему курсу. И неважно, сколько дней или недель пропустил по болезни, – они не влияли на результат. Учителя не поняли моей системы подготовки, но не удивлялись. Их беспокоили только средние показатели по предмету.

В итоге я получил столько свободного времени, сколько хотел. И заполнил его библиотеками в поисках ответа на главный вопрос, – где прячется мой тайный враг. Требовалось узнать, как устроен неуютный мир. И почему он такой враждебный.

Библиотечные полки источают магию глубинного, экзотического знания. Оказалось, звезды не одиноки, а живут галактическими семьями. Облака перемещаются в циклонах и антициклонах, которые крутятся не сами по себе. А мои любимые божьи коровки состоят не только из молекул и ато-

мов, но прежде всего из микрочастиц. А все вместе взятое тонет в туманном море пустоты.

Школьные учителя знали меньше библиотечных книг и журналов. Другие люди – совсем ничего. Но и в библиотеках не нашлось указаний на место проживания моего врага. Следы его обнаруживались в истории древних империй и в становлении самого человека. Отвратительный призрак обезьяны, претендующий на роль моего предка, – явный родственник самого Нечто. Но тогда кто и откуда я?

Нет, и в науке нет ясности. И я обратился к сказкам, а затем к фантастике. Приоткрылась дверь во вместилище непознанных тайн, и задул сквозняк, еле ощутимый, но какой пьянящий!

От тетрадей для домашних заданий не отказался. Одну предназначил для мегамира, другую посвятил микрофизике. Завел отдельную по метеорологии. В другие записывал интересные цитаты из самых разных книг, даже художественных.

Отец и мачеха не умели ни читать, ни писать. Помочь в учении или контролировать домашние задания не могли. Так началось возведение круговой стены личной крепости. В свой мир помещал все, что хотел. И не пропускал никого нежеланного. В крепости установился культ Книги. Каждая имела свое место. Они ведь все непохожи, индивидуальны.

У каждой свой запах, шорох или шелест, своя внешняя магия. Обложка – как лицо...

Прочитал все сказки в городских библиотеках. Хотелось узнать, откуда они взялись. И потом написать свою собственную, фантастическую сказку. И так, чтобы в ней была правда. И указание на место, где обитает злое Нечто. Оно не такое как ведьмы, колдуны и кощеи, – страшнее, сильнее и хитрее. Надо открыть всем его безобразное лицо, пусть люди увидят моего и своего заклятого врага.

Нет, напишу не одну сказку, несколько. И они будут сильнее любого колдовства. И многое объяснят. Та же метеорология не в состоянии сказать, почему облака над Нижне-Румском год от года тяжелеют. И постепенно снижают высоту пролета над землей, сантиметр за сантиметром... А дожди из них все холоднее. Никто не ответит: почему мне об этом известно, а больше никому?

Не с кем поговорить-посоветоваться... У людей дедушки-бабушки, у некоторых сразу по две пары. Вот отец своего деда знал хорошо. Тот был богатым купцом, но попал под раздачу во время очередного переворота. Они в моей стране случаются регулярно. Какой-то гегемон-комиссар реквизировал у прадеда последнюю роскошь, – бричку на мягком ходу. Осталась расписка. Так что я, как прямой наследник, имею право на коня с телегой. Но нет... Чтобы вернуть долг, надо самому стать комиссаром.

Но вначале предстоит научиться писать сказки. Пришлось

и для этого дела выделить отдельную тетрадку. На первой странице поместилась инструкция, которой моментально поверил:

«Чтобы сочинять сказки, надо пойти в лес, где на всех деревьях растут прекраснейшие сказки. Они выглядывают из березовой листвы, висят на елях, ими усыпаны кусты можжевельника. Да так густо, что почти не видно ягод! В полях можно отыскать тысячи сказок. Качаются они и на волнах. Осенью голос сказки слышен в шуме гигантских сосен. Сколько сказок знает вереск! А еще больше пожелтевшая листва.

Зимой сказки рассказывают цветы инея на окнах и на ветках деревьев, а в любое время года – звезды. И горы, и камни, и деревья и цветы, и птицы и рыбы могут рассказать свои собственные истории».

Я списал эти слова у Захариаса Топелиуса, потомка ариев из Нордландии. Инструкция не помогла: звезды и деревья молчали. Надежда осталась одна – божьи коровки. Я приготовил листок, карандаш, и отправился к ним. Слетелось сразу десятков. Но получил я не то, чего ожидал. Со стороны сарая, в котором обитала мачехина свинья, донесся злой шепот, похожий на завывание ветра в печной трубе осенью:

– Мои глаза тебя не отпустят. Где и когда бы ты ни был... Нет такой сказки, в которой ты смог бы спрятаться. Запомни, – нет...

После таких слов стало не до сказок. И я снова заболел, –

в четвертый или пятый раз, – воспалением легких. Случались и другие болезни, но они не повторялись. Но эта... Через месяц выздоровел. Но тот свинячий шепот не выходил из головы. Это было мучительно. И я стал искать человека, который знает, что с этим делать. Но все думали и говорили о домах или квартирах, работе, семье, деньгах и ценах.

Шепот пропал сам по себе. Пришла новая зима, холоднее и бураннее прежних. Серые облака плыли над крышами домов. На стеклах появился бесцветный непрозрачный узор. Луч Солнца сквозь него не проходит. Днем белого света не видно. За ночь металлическая Луна так остужает снег, что он делается горячим. Это не моя Луна, а имперская. Оказывается, и Луну можно подменить.

С подменой Луны в мои сны проникли кошмары. Особенно жутким стало повторяющееся нашествие в дом свиней. Они торжествующе хрюкали, скалились и презрительно не замечали меня; заполняли комнаты плотной массой и, чтобы спастись, я залезал на стол. Но они подгрызали ножки стола, а я, охваченный ужасом, звал на помощь. Кого? В доме я один, соседи не услышат...

Оборвать этот сон я не мог, он заканчивался сам, за секунду до обрушения стола. Он повторялся, как и другой, более жуткий, потому что совсем непонятный.

Я в пространстве, где нет ни земли, ни неба. Кругом скелеты, лишённые черепов. Они медленно движутся, приближаясь ко мне. Напрягая волю, пытаюсь отбросить их подаль-

ше. Но ни одна косточка не дается в руки. К ним нельзя даже прикоснуться, настолько они гладкие. Ненужное осязание покидает меня, руки делаются чужими, непослушными. Кости ускользают от захвата и продолжают медленное кружение. Скелеты всюду, я внутри их скопища.

Просыпаюсь от собственного крика. Этот сон внедрил отвлечение к гладким и скользким поверхностям. Но позже из повторов получил знание: скелеты не человеческие. Они остались от тех, кто похож на людей. Их черепа спрятаны где-то далеко. Когда они были живыми, но чем-то не понравились тому же Нечто. Как не нравлюсь ему я. Он их связал, как ту рысь, а потом обезглавил.

От таких кошмаров укрыться можно только в сказках. Но в них обнаружили неясности и неточности. Пропадало доверие... Многие сурианские народные сказки начинаются с вопроса:

– А ты гой еси, добрый молодец?

Кто есть гой, чтобы его остерегаться? В библиотеках никто не знает. Сказки явно не сурианского происхождения. Но какого? В сказках, как и других книгах, много путаницы. Такой беспорядок не может не воздействовать на мир людей.

Арии из Нордландии создавали государство очень далеко отсюда, на западе. Империя появилась после. Она расширя-

лась на восток. И тут остановилась. Не потому что натолкнулась на океан. А потому что время в Крайнестане оказалось густым и вязким. А еще из-за путаницы в мозгах и сказках.

Соппротивление тугого времени не позволяет мне исчезнуть отсюда. Болезни не помогают. Но оно же не дает взростеть. У других не так. Все мои одноклассники и одноклассники на улице сильные и независимые. Им никто не угрожает и не преследует. У них есть матери, бабушки, дедушки. Они знают, как будут жить через год и через сто лет. Крайнестанское время избирательно?

Радиоволны из черной тарелки объявляли, что жить становится все лучше и веселее. Но не в Нижне-Румске. Народ тут думает о том, как бы не помереть от голода. Империя не может дать всем нужное количество пищи. Потому во всех дворах коровы, куры, гуси... У мачехи – свинья. Она прожорливая, растет и съедает все больше и больше. Ей требуется комбикорм, который по спискам за малую цену выдает государство.

В ночную очередь у пункта выдачи отец взял меня. Номер в очереди рисовали химическим карандашом на правой ладони. Неприятные сине-фиолетовые цифры...

Отец бросил два мешка в одноколесную тачку и занял новую очередь. Следующие цифры написали на левых ладонях.

Моя задача: отвезти мешки со свинячьим кормом домой и вернуться за новыми.

А уже вторые сутки стоит неожиданная зимняя оттепель. На улицах непролазная грязь, хрустящие льдом ямы-лужи, глубокие извилистые колеи от грузовиков. И никакого освещения: время за полночь, окна домов не светятся.

Взявшись за тачку, я знал, что приказ отца выполнить не смогу. Слишком слаб, чтобы протащить тяжеленный груз через беспросветную черноту. Но что делать! Над пунктом выдачи светит лампочка, мне удалось преодолеть несколько метров и повернуть за угол дома на перекрестке. Колесо тут же завязло в глубокой яме, заполненной жидким крошевом льда и земли. Возвращаться? Без тачки нельзя. Кричать, – не могу, да и ничего хорошего не выйдет. Если даже выволоку тачку из этой ямы, тут же попаду в следующую. А сил и так нет...

Немного постоял, поднял взгляд к невидимому небу и от безысходности заплакал. Пройти с тачкой мимо десятка домов, не пропустить перекресток, повернуть налево на свою улицу... А там, – еще пять домов. И без тачки не пройду.

Тут случилось невероятное, – воздух впереди засветился. Образовался световой коридор высотой в мой рост и шириной метра в два до самого моего дома. Свет неяркий, но для ориентации достаточный, обходящий непроезжаемые места. Он сопровождал и на обратном пути к отцу. И так еще два рейса. Почему-то отец, да и никто другой, не удивился, как

болезненный и слабейший в округе юнец справился с работой лучше здорового мужика.

Свинья спасена от голодной смерти. А я узнал: рядом существует кто-то, готовый помочь. И когда-нибудь я увижу его. Родилась радость.

Но сновидения продолжали тяжелеть. Исчезало убежище, где можно спрятаться от равнодушия внешнего мира. Нижне-Румск не вдохновлял. До центра час ходьбы, но там неинтересно. Разве что кинотеатр «Родина», где иногда показывают цветные киносказки. Но десять копеек на билет находил не часто. И посещал бесплатные киноплощадки во дворах. Кинопроекторы тут узкоплечные, а фильмы черно-белые. Есть большой летний кинотеатр в парке, огороженный высоким деревянным забором. Если влезть на дерево поближе, можно что-то и увидеть.

Но какие-то светлые сны оставались. Я научился их продолжать. Получались сериалы, в которых я участник событий и наблюдатель. Заказывал изредка нужные видения. Город знал плохо, обойти его весь пешком слишком утомительно. Автобусных маршрутов всего три, но они не бесплатны.

И, засыпая, сказал себе: посмотрю-ка я на Нижне-Румск сверху, как птица. Но увидел не совсем то...

Да, я над Нижне-Румском, но преображенным, почти

неузнаваемым. Дома те же, но люди живут не в них, а в катакомбах и траншеях, накрытых стволами деревьев в несколько слоев. Я побывал в сырой черноте внутриземных ходов. Запасы еды, воды... А ведь рядом река, из которой можно пить. И все та же тайга. А над ушедшим под землю городом – удивительно чистое голубое небо с отливом в серебристую синеву. Лента Румы, – как небо: ни лесосплава, ни кораблей, ни лодок. Решил узнать, почему все так, но не успел. Из сновидения выхватил энергичный голос мачехи, с раннего утра критикующей кого-то.

В общении с ней я обходился без прямого обращения, чтобы не использовать слово «мама». Альтернативы нет, и приказ отца твердо игнорировал, не звал ее никак. После еды приказано говорить: «Спасибо, мама». Брат произносил. Я бормотал что-то неразборчивое и быстренько исчезал. Ее это злило. Я подумал, что это она разрушает мои светлые сны, искажает их. Но доказательств нет. Нечто мог обойтись и без нее.

Мачеха завела еще один огород, у подножия ближней сопки. Там сажали картошку, отец по осенним выходным продавал ее на минирынке. На дальний огород ходили пешком. Километры изнуляли, я ложился там на траву и долго отдыхал, слушая кузнечиков и наблюдая за стрекозами. Травы здесь таежные, пахнут густо и сочно, а цветы – как осколочки Радуги. Жаль, слишком далеко. А еще – слишком опасно.

...Мы идем туда вдвоем с отцом. Как всегда молча. Каж-

дый думает о своем. Нечто материализовалось впереди, черной точкой на светло-коричневой ленте дороги за городом. Я смотрел на цветы по сторонам, но ощутил его присутствие тяжестью в груди. Материализовалось предчувствие угольно-черной собакой, бегущей навстречу без лая, с тихим рычанием. Слабость делала меня беззащитной добычей.

Отец обладал крепостью с рождения. Пролетарский труд на благо Империи, ежедневные пешие переходы на завод и обратно закалили еще более. Черный пес поднялся в прыжке на меня, но отец успел подцепить его кирзовым армейским сапогом и отбросил далеко в траву. Против отца Нечто ничего не имел, и собака с коротким визгом исчезла, будто ее и не было вовсе. Мы продолжили путь все так же молча. За всю жизнь с момента прибытия мачехи у меня с ним не случилось ни единого разговора хоть на какую-нибудь жизненную проблему.

Между тем активность мачехи охватила все нюансы семейного уклада. Отец построил новую просторную баню, а после, – широкое крыльцо. Мачеха контролировала строительство. Я запомнил один эпизод. Отец вбивал гвоздь в доску крыльца, а тот не поддавался. Она с издевательской иронией сказала:

– Ты мужик или кто? Гвоздь прибить не может...

Я пожелал, чтобы он тут же вместо гвоздя врезал молотком ей в лоб. Но он промолчал и продолжил работу. Такой характер, – мечта для любой мачехи. И почему он не выбрал

Катьку, мать соседа Мосола? Катька добрая, красивая, молочная... Новое крыльцо я возненавидел.

Через несколько дней, сидя на нем, размышлял о несправедливостях судьбы. Ну почему я получился такой слабый, такой одинокий, такой весь ненужный? Безопорный мир в ту минуту достал меня до безнадежности. И я второй раз после смерти матери беспричинно потерял сознание. Очнувшись, понял, что освободился не только от отчаяния, но и от содержимого кишечника. Пришлось бежать в новую баню стирать трусы и мыться. Обе новостройки оказались функционально связаны.

То было время малых желаний и крупных денег. Один желтый бумажный рубль удовлетворял все мои месячные запросы. Прежде всего, – на кино. Фильмы обладали волшебным свойством втягивать в себя полностью, без остатка. То было время бескрайних морей и недостижимых стран, в которых жили сильные герои и мудрые красавицы, росли вечнозеленые пальмы с сочными фруктами, а воздух пах молоком и медом...

Учитель географии в восьмом классе позвал в путешествие по планете. Мужественная красота с легкой сединой и шоколадно-хрустящим голосом не оставили места сомнениям. Его уроки не пропускал и потому, что он рассказывал не

по учебнику.

Я продолжал искать то, чего не знаю, во всех направлениях. В начале восьмого класса школу покинула без замены учительница галльского языка. Класс обрадовался: освободились часы, а оценки за иностранный выставили по итогам седьмого класса заранее. Мне это не понравилось: пошел к директору восьмилетки и попросил разрешения посещать уроки новосакского. Директор с завучем вначале оторопели, но потом даже перестроили расписание уроков в мою пользу. Примеру моему не последовал ни один. За год я прошел два курса нового языка.

Но другие уроки пронизывала скука. Восемь классов можно легко пройти года за четыре. В крайнем случае за пять, с учетом болезней. Но куда бы я потом делся? Да и кто бы разрешил? В среднюю школу переходили не все, манили «крупные деньги»: желтые и красные рубли. А еще моих сверстников влекла романтика взрослой жизни: умение обращаться с женским полом, выпивка до полного кайфа, физическая сила, вхождение в уличную или квартальную группу, отряд... В таком отряде можно не бояться других, то есть чужих, и показать им свое превосходство.

Народ качал мышцу, гонял мяч, ходил по сумеркам с гармошкой и гитарой. А я пытался понять смысл слов модных песен.

– ...Я иду по Уругваю, ночь хочь выколи глаза... Слышны крики самураев...

– ...Старый Череп на могиле чинно гнил, Клюкву старую с болота он любил...

С ночными самураями разобрался в библиотеке. Болотная Клюква долго не давала покоя. Но представить ее так и не получилось. Вот Череп, – другое дело. Закрываю глаза и он предстает рядом: громадный, полупрозрачный, из цветного стекла, умный и могущественный. Нет, песня неправильная. Череп не мог дружить ни со старой Клюквой, ни с вонючей Кикиморой. И совсем он не старый. Этот цветной Череп еще покажет себя...

Улица Северная начинается от Памятника на краю центрального парка. Трехкилометровый приличный уклон на восток, затем легкий подъем. Пересекает улицу аборигеновская доимперская речка Куегда, впадающая в Руму рядом с заводом. Железобетонный высоченный Памятник остался от освободительно-захватнических войн. На нем размещались пулеметы. А из мрачных внутренностей бетонной коробки пацаны добывали человеческие кости. Искали оружие, но его изъяли предыдущие поколения.

От Куегды до отцовского дома около сотни метров. Речка так себе, но в сезоны дождей и таяния снегов поднимается метра на два, доходя до ближних домов. Если разлив держится до морозов, получается громадный каток. Летом ули-

цу покрывает сплошной ковер травы-муравы с обилием желтых одуванчиков и пахучего сладкого сиреневого клевера.

Улица Северная как стрела, летящая через океан в недружественную Колумбийскую Федерацию. Еще одна планетная Империя... У Михи, – единственный радиоприемник на весь квартал. Радиоволны будили интерес к заокеанской жизни среди гниющего прогресса. Если там все по-другому, все наоборот, то, может быть, мне надо туда? Там я стану раскрепощенным как Миха. И сильным как Макс. И буду, как он, разбирать-собирать любую машину. Макса не обидишь. Он накажет кого угодно. Макс бросил школу после седьмого класса, так как понял, что в образовании никакого житейского смысла. Но у него профессия, с тринадцати лет водит грузовые машины. У меня профессии нет и не предвидится. Кому такой нужен в Западной Федерации?

В Нижне-Румске после восьмого класса для меня два пути. Один – поступление в заводское профтехучилище. Затем клепать торпедные катера или ремонтировать другие корабли. Стать копией наших отцов... Перспектива совсем не радует. Второй, – закончить среднюю школу. После нее выбор побольше...

В любом случае бежать некуда. Остается терпеть, жаловаться некому. А Нечто не спит, его глаз всегда рядом.

Рыжий из параллельного класса вообразил, что я обидел его каким-то словом. После уроков меня встретил большой Рыжий брат. Получив удар в челюсть, я упал. Одноклассни-

ки обходили меня, никто не хотел вмешиваться. Я сидел на земле школьного стадиона и молча плакал. Подошел ко мне один Паша. Протянув руку, сказал:

– Пойдем... Мама приготовила отличный борщ. Я тоже голодный...

У Паши я прожил трое суток. Пришел отец и тихо сказал:

– Пошли домой!

Теперь я мог сравнивать, несмотря на Стертое Время. С мамой у меня был бы такой же дом, как у Паши. И дело не в борщах. Тут никто ни на кого не злился, не кричал. Даже громко не говорил. Смотрели друг на друга мягко, родственно. Когда так, Нечто и к забору не смеет приблизиться.

Второй подобный раз приютил одноклассник Юра. И здесь говорили мало, только добрые слова. А у меня... Да если бы я привел кого-нибудь с собой, как Паша и Юра меня, обоих выставили бы за калитку.

Оставалось одно постоянное непротивное занятие – книги. Они говорят: в основе мира – материя. То есть мать, понимал я. Но существует и антиматерия. Антимать, то есть мачеха. Вместе они не живут, происходит аннигиляция, полное уничтожение всего.

Некоторые книги должны читаться без перерыва. Не хватало дня, – дочитывал ночью. Но на ночное электричество в доме наложили запрет. Бесполезная трата потому что. Ни свечи, ни фонарика...

Я лежу в кровати, не в силах отложить книгу. И что-то внутри меня, – или кто-то? – посоветовал: напрягись, не сдавайся! Не отпуская книгу, я напряг все мышцы и сосредоточился на желании света. И ощутил противодействие. Тьма в комнате стала сгущаться и давить на кожу. Как-то сразу понял: мышцами ничего не сделаешь, а только сознанием. Или другим, что имеется внутри меня, но я не знаю названия. Отбросив страх, внутренним напряжением принялся отгонять, отталкивать, оттеснять тьму от себя.

И вот, освободилась почти вся комната. Мрак остался в углах под потолком черными сгустками. Комната осветилась. То был не солнечный или электрический свет. А без примеси какой-либо краски, прозрачно-бесцветный. Но для чтения в самый раз! Вспомнил, открывая книгу, – он подобен тому свету, который освещал дорогу, когда я возил на тачке комбикорм. Но ведь в тот раз я совсем не напрягался. А сейчас чья воля действовала, неужели только моя?

Больше я не входил в такое состояние. Тянуло, но еще сильнее что-то удерживало. И не злое, иначе... Не все хорошее нуждается в повторении. Из ночного опыта крепко усвоил одно: за мной кто-то добрый и сильный незримо наблюдает и на свету и в темноте. Причем он не один. Стало ясно, почему Нечто до сих пор не расправился со мной.

Одного не понимаю, – что я ему сделал? Чем насолил? А тьма оказалась живой, как и свет. И она может многое. Смять сознание, свести с ума, сделать инвалидом или даже убить.

Если бы не светлые наблюдатели...

Проглотив очередную книгу по физике, решил, что сразу после Большого Взрыва света было намного больше, а фотоны ярче и крупнее. Тьма тоже имелась, но слабая. А теперь она жесткая и активная. И Нечто взял над ней власть, чтобы лишать света тех, кто ему не по нраву. Нечто использует и сны. Кошмары, – это сновидения плохих людей, которые он вводит в меня. Я начал бороться, чужие сны опасны. Каждому достаточно своих снов, не надо желать чужих. В них можно перемениться не к лучшему, а то и заблудиться, потеряться.

А вот интересно, возможно ли попасть в свою сказку? В ту, которую я когда-нибудь напишу? Чтобы она по-настоящему ожила, перешла со страниц на дороги под Солнцем и Луной? В такой сказке никакой мрак не страшен...

Пока не всегда понимаю, что вижу и куда попадаю во снах и наяву.

Я оказался на Острове Тьмы, на котором обитают темные люди с жирными сердцами. Со мной старший брат с именем

Сандр. Запах на Острове отвратный, и Солнце над ним не светит.

– Сандр, – спросил я, – Почему бывают такие люди, которые как бы и не люди вовсе?

Сандр с высоты громадного роста посмотрел на меня как равный во всем. И сказал мягко, как говорят в семьях Паши и Юры:

– Но ведь ты, Нур, знаешь ответ на свой вопрос лучше меня!

В этом сне, непонятном и необъяснимом, меня звали экзотическим именем. И я во сне согласился с Сандром:

– Да, знаю. Они отвергли Свиток. Тот, который мы пытаемся отыскать. Но странно получается... Мы ищем то, чего сами не знаем. Они отвергли, мы ищем. Нет знания ни у них, ни у нас. В чем между нами разница?

Сандр улыбнулся одними глазами, они стали как бойницы древней крепости. Да, Сандр, – моя крепость, с ним не страшно рядом с любым врагом. Я не запомнил, что он ответил на мой вопрос.

Проснулся с убеждением: я уже бывал с Сандром на том Острове. Как? Осталось желание продолжить поиск Свитка. Если бы знать, что он есть такое. А среди людей Империи стал различать обитателей Острова Тьмы. Бывших или будущих...

Сказка к сказке, сон ко сну... Складывается неслучайная последовательность. Не хватает ума...

Страшные рассказы Гены Епифана пугают. Но они безвредны. Пусть под полом твоего дома мертвые строят себе замок, а в форточку по ночам стучится черная рука без тела... Всем известно: это не совсем правда. Или совсем неправда. После остается легкий след. Они как шприцы от болезней, мне не нужны. Я после первого же укола отказался от них на всю жизнь. И не болел тем, от чего прививают. Прививок от зла все равно нет, – а такие только и нужны. И я знаю, кому их надо колоть сразу после рождения.

На моей улице живет Гера Краб, сын капитана дальнего плавания. Он старше меня на три года, успел закончить среднюю школу. Гера по-звериному жесток, настоящий садист. Нечто любит таких. А у Краба любимая забава, – схватить слабейшего за волосы и прилично потаскать. Добрался он и до меня, но я вырвался и убежал во двор Михино дома. Геру за мной. Мы с Михой взлетели по лестнице на второй этаж сарая. Поленницы дров поднимаются высоко, и Миха стал яростно забрасывать Геру поленьями. И очень удачно. Гера Краб запомнил урок и больше не пытался атаковать нас. Но мне стало грустно. Ведь Миха оборонялся, а я просто стоял рядом! И сам бы никак не догадался использовать поленья как оружие.

Зимой сын капитана и друг Нечто поймал на улице кошку. Я смотрел на происходящее через окно, едва стоя на ногах после болезни. Он замуровал кошку в мокрый снег, оставив снаружи мордочку и хвост. Такой снег на морозе за минуту

леденеет наподобие гипса. Гера – не дурак. Вначале осмотрелся, нет ли поблизости кого постарше да посильнее. Затем вытащил импортную бензиновую зажигалку, – подарок отца, – и поджег кошачий хвост. Кошка так визжала, что и мне было слышно сквозь двойную раму.

И я возненавидел с того дня всех друзей Нечто. Да, вот стать бы таким, как Макс! Макс умеет делать всё, и лучше других.

Стоит аномально жаркий апрель. Мне исполнилось четырнадцать, и после зимы чувствую себя почти удовлетворительно. И меня взяли в компанию, собравшуюся на Руму. Поплавать, понырять... Я не умею ни того, ни другого, частые недомогания не позволили стать одним из всех. Пока шли к реке, Макс придумал развлечение, все его поддержали.

И вот, мы на лесосплаве, предназначенном деревообрабатывающему цеху завода. Полоса бревен шириной в сотню метров, а длиной в несколько раз больше... Мы во главе с Максом сидим на крайнем, обозревая перед собой широченную ленту Румы. Макс объявляет задачу: достать со дна ракушку. Глубина немеряная, никто не решается. Тогда он раздевается догола и ныряет. Минуты через полторы Макс, улыбающийся до ушей, стоит на бревне с раковиной в руке. Зубы

сверкают, глаза блестят, на мокром теле играет солнце, высвечивая могучую мускулатуру. Мы восхищенно смотрим...

Все, кроме меня, хорошо плавают и ныряют. Но сейчас колеблются. Макс смотрит с вызовом в глаза каждому. Последний – я. Мне становится неловко, даже стыдно. Думаю, а почему бы и нет? Страх отсутствует, как и понимание реальной ситуации. Бросаюсь в Руму. Напрягая все силенки, пытаюсь повторить подвиг Макса. Но куда мне! Воздух кончается, силы тоже, дна не видать и я решаю немедленно возвращаться. Но всплываю не там... А под бревнами, которые простерлись надо мной во все стороны. Щели между ними пропускают свет, достаточный для ориентации. Вижу на пять стволов на юг и север. Но где спасительный юг с чистой водой и сколько бревен до него, – не понять!

Лицом к бревнам, царапая живот об остатки коры, поворачиваюсь то в одну, то в другую сторону. На месте должного страха, – спокойствие. Даже не думаю о том, что воздух в легких вот-вот кончится.

Выхода нет, и выбираю любое направление из двух возможных. Полагаюсь на спокойную уверенность, которая не оставляет. Не удивляюсь, откуда она, – есть и все! И силы откуда-то взялись. Осторожно, чтобы не содрать кожу с груди и живота, перебираю руками бревна. Одно, другое, третье... Сколько же их! Да какие: каждое больше моего обхвата.

Но света с каждым рывком прибавляется, и вот – хватаюсь за руку Макса и поднимаюсь на сплав. Странно: я не толь-

ко сохраняю невозмутимость, но даже не задохнулся! Ребята смотрят с испугом, Макс поглядывает на стрелочки своих непромокаемых, – зависть всех и его гордость. Я пробыл под водой почти пять минут, – Максу такое и не снилось. А в его взгляде смесь сразу нескольких чувств, и не понять. Одно ясно, – отношение ко мне изменилось. Из болезненного доходяги я за пять минут превратился в человека-загадку, способного фиг знает на что.

Один я понял: спасла меня сила, о которой ничего не знаю. И словами это не выразить.

Обратно идем другим строем: впереди Макс со мной, остальные на шаг позади. Пытаюсь понять, что случилось, но мысли тянутся к Максу. В его семье принято то и дело подрезать вену лошади и пить прямо из нее кровь. Макс делает любую работу шутя, и лучше взрослых. Я видел, как, играя мышцами, он легко поднял на вилы воз сена. И без малейшего смущения, по первому запросу, демонстрирует пацанам рекордный размер мужского аппарата. Не закончив восьмой класс, бросил школу, привел домой какую-то девку и поселил в своей комнатке. Никто в семье и не думал возражать. Макс обожает всякую технику и легко ремонтирует любое железо. Благодаря его заботам мой велосипед постоянно имел наилучший вид и почти летал.

Пять минут... Но до Макса не достать никогда... Простой калейдоскоп по схеме в детском техническом журнале я делал целую неделю. Затем, – телескоп, работа посерьезнее,

еще дольше. Калейдоскоп увлек ненадолго. Узоры в зазеркалье красивые, но натуральная Радуга куда лучше. Подарил его брату, что добавило тепла в наших отношениях. Пока мы расходимся все дальше, – мачеха критикует его значительно чаще, чем меня. Меня спасает слабость, болезненность. Она считает свои решения и действия наилучшими. Но так живут вокруг все, это нормально. А она бессознательно точно устраняет возможность мятежа против себя. Разделенный народ не протестует.

Но вот и очередной разрыв во времени. Восьмилетка позади, одноклассники в момент определили, что им делать дальше. Большинство, – учениками-подмастерьями на завод, другие, – в профтехучилище. Некоторые в девятый класс средней школы. Отец молчит, мачеха выжидает, я раздумываю...

Уруббо-Ассийский Альянс огромен. Крайнестан, его восточная окраина, тоже необъятен. И вырваться отсюда невозможно! Требуется опора по крайней мере в Ерофейске, столице Крайнестана. Есть и другие, не ближние регионы: Тундрия на северах и таежная Урмания западнее. Но там так же, как в устье Румы. И в политическом центре, за горами Тартар, едва ли лучше. Но туда попасть мне совсем не светит.

Внутренний голос подсказывает: надо стремиться к цивилизации более высокого уровня. Я уже знаю, что таковые на планете имеются. Люди там совсем другие. Они имеют при себе носовые платки и не сморкаются шумно под ноги, вытирая носы пальцами. А затем чистят ладони о штаны. Они там не изображают громы прилюдным испусканием ветров. Они не рыгают за столом, сигнализируя довольство едой или закуской. Они не ковыряют прилюдно в носу и не выщипывают из него волоски. И не кричат всюду об умении жить хорошо, демонстрируя лишний десяток метров жилплощади или рубль длиннее соседского.

За четырнадцать лет я устал от народного самовыражения. Как-то смотрел и слушал народного депутата, рекламирующего туалетную бумагу в противовес омовению водой. И удивлялся... Народ в отличие от депутата не имеет легкого доступа к туалетной бумаге и пользуется газетой с политическими текстами, которых не читает. Неужели постоянный запах дерьма, – признак превосходства, национальной исключительности?

Одно ясно: прошел восемь классов, а в итоге не соображаю почти ничего! Главное, – не знаю, чего хотеть! Понимать, чего не хочется – мелочь, ничего не дает. Да, я не желаю стать таким как все вокруг. Но у всех есть идеал, живой и конкретный, а у меня нет. Что говорит о моей крайней бестолковости.

И я принялся искать образец, на который надо ориентиро-

ваться. Когда чего-то хочешь очень-очень, оно приходит... Десятикопеечная монетка, легшая на ладонь в нужный момент, позволила заклеить разрыв во времени. Десять копеек, – цена пропуска в новый мир!

Кинотеатр «Родина» показал культуриста Ривза в роли Алкида, пророка в языческой Олимпии. Сила, красота, разум, воспитанность, – и всё в одном! Древние мифы уже крепко сидели в памяти, для осознания не хватало кинообраза. И стало ясно, почему не «завёл» Макс: в нем лишь внешнее, чисто телесное. И процесс пошел!

Откуда-то взялись десятикилограммовые гантели, две пары боксерских перчаток. Проявилась страсть к физическому труду. Какое удовольствие: вдвоем с отцом двуручной пилой разделить ствол знакомой лиственницы на несколько безопасных частей! Колку на поленья я не доверял никому, – эта работа просто супер. Топор, колун, кувалда... Еще одной любимой обязанностью стала борьба со снегом. После крупных буранов отец выходил на работу через чердак. К его возвращению я расчищал дорожку от крыльца до улицы.

Горячий пот, усталость, звериный аппетит, – величайшие радости... А следующей весной я присвоил себе заботу о семи сотках приусадебного участка. Лопата, тяпка, веселое солнце, теплые дожди, аромат радующейся тебе земли...

Первой зимой после начала своего переформатирования стал видеть Радугу над снегом, которую никто не замечает. В небе, хоть и редко, появлялся радужный кристалл, играю-

щий такими цветами, которых нет ни в каком наборе красок. Мир мой заиграл многоцветием. Открытия следовали одно за другим.

Особенно поразило то, что снегопады индивидуальны, непохожи один на другой. И приносят они снега разных оттенков. Тут и сиреневые, и лимонные, и голубоватые... А зимние тени совсем не темные, а синие всяких тонов, от теплых до холодных.

Мне наконец подарили велосипед. Он тут же прирос к телу, добавив скорости и умения владеть собой. Возможности ширились...

До океана по таежной дороге меньше сорока километров. По волнам грунтовок три часа езды в одну сторону. Всего три часа. Нет, целых три часа качания на таежных волнах! Глаз радуется мохнатым малахитовым лапам елей, гигантской черемухе, на которой осенью появляются черные гроздья, соразмерные виноградным... Тайга вдали от людей настолько разнообразна, что слов не хватит передать. Но вот, она кончается. И начинается Океан, разочаровавший мрачной мощью. Его дыхание, тяжелое и холодное, отвергало меня. Пахло так, словно он объелся тоннами винегрета и запил его бочкой самогона.

Чарующий аромат моря открылся через кадры фильма «Ихтиандр». Позже я побывал на берегах Темного Понта, на месте съемок. И обнаружил: впечатления от фильма и морская реальность совпали полностью. Все так, – и запах водо-

рослей на мокрых камнях, и вкус воды, и цвет воздуха! Пришло еще открытие: фильмы могут быть столь же гениальны, как тексты.

Оказывается, в этом мире нет ничего одинакового, и вода разная. Восточный Океан, – голодная львица, отвергнутая вожаком прайда. С такой зверюгой не поиграешь... А Темный Понт – игривый, добрый тигренок. Он любит ласку и скрывает свою мощь.

В четырнадцать лет, в дни перехода в новое состояние, добился права жить летом на сеновале, на втором этаже сарая. Инициатива родилась внезапно, без внешней подсказки. Получилась комнатка два на два метра: кровать, стол с лампой, стул. Три стены, – плотное сено; сгущенная трава лесных полян, хранящая аромат таежных цветов. А в проем двери над лестницей смотрят звезды, заглядывает Луна...

Это – да! Внутреннее приблизилось к внешнему. Или наоборот... Я получил возможность возвращаться в любое время, не стуча в окно или барабаня в дверь! Кружки молока и краюхи ржаного хлеба, ожидающих на столе, для живота достаточно. Но, – после получасовой игры с гантелями. Просыпался по сигналу организма, независимо от расписаний, придуманных людьми. В том числе и школьного распорядка.

Внешний контроль минимизировался и я ощутил вкус

свободы. Теперь читать я мог что хочу и сколько хочу, – махехина цензура сюда не дотягивалась. В доме она беспрекословно изымала книги с сомнительным содержанием. Сомнительность определялась по оформлению обложки: если рисунок намекал на эротику, книга отправлялась в ящик на чердаке. Словно я не могу забраться туда и дочитать.

Наука и научная фантастика заполнили свободные часы. Я приносил из библиотек сразу несколько книг и читал-изучал их параллельно. Но книги выдавались на неделю. За такой срок проштудировать серьезный труд по микрофизике или астрономии невозможно. И я стал брать и возвращать их, минуя барьер в виде библиотекаря. Воровством не считал, ведь брал на время, чтобы затем вернуть. Потому страха или стыда не чувствовал. Спрятать книжку под брюки и свитер при отсутствии брюха, – не проблема. К тому же интересующая меня литература не имеет никакого спроса. Я единственный потребитель.

Книги, подлежащие скрытому возврату, ожидают очереди в чердачном ящике. Но текущий через меня информационный поток усилился, я не успевал контролировать движение книг.

Вселенная моя расширялась, оставаясь недостижимой и неуправляемой в личных интересах. И я попытался стать соавтором фантастических сюжетов. Вначале соавтором...

И понял, – такому делу надо соответствовать. Макс никогда не откроет ни одну из моих любимых книг. И сам не на-

пишет ни строчки. Значит, он не способен управлять своей Вселенной. Алкид может. Но как? Что имеется внутри него, позволяющее менять мир?

Идеал отодвигался, я не понимал его. Надо осмотреться как следует. Да, нежелания уподобиться другим недостаточно. Почему люди Нижне-Румска так похожи? Неужели рождаются одинаковыми? Или внутри них заложено стремление к одному и тому же? Общий идеал?..

Сосредоточенно осматриваюсь. И кое-что открывается...

Лучшая жена, – работающая баба, твердо знающая правила жизни. Грамота необязательна. Лучший муж, – крепкий самец, уверенный в себе, умеющий добыть денежку. Получается имперская семья, опора государства. Такая семья считает общество родным и легко открывает нужные двери. Но страшится власти и отстраняется от непонятного. Непонятное практически бесполезно. Почему-то такая семья всегда недовольна тем, что имеет. Может быть поэтому она вступает в группы. Люди объединяются в отряды, самые разные. Маленькие отряды собираются за столом и так укрепляют единство. Большие отряды используют конференц-залы, клубы, площади.

Иногда я слушаю транзистор Михи, вещающий «Голосом Северной Коламбии». Но и по ту сторону мрачного Океана

не прослушивается ничего, что привлекло бы не экзотикой, а чем-то другим, чему я не мог дать названия.

Вот встретить бы того, кто способен написать хороший сценарий жизни для всех! Настоящий, живой фантастический роман... Я бы вошел в глубину страниц и сделался другим.

Но нет, и так не пойдет! Почему мой мир и меня самого будет менять кто-то другой? Да и не сможет волшебный писатель помочь сразу всем. Если мозги у всех одинаковые, то разными они не станут, куда их не передвигай. Снова сольются в те же отряды, опять свои и чужие...

Все-таки меняться самому! Но в какую сторону? И как? Алкид – хорошо, но он недоступен! Требуется живой образец. И срочно: темное Нечто после короткого затишья вновь принялся за меня. Как-то поздним вечером я примкнул к компании сверстников у дома Макса. Говорили о планах на жизнь. У меня их нет, пришлось молчать и слушать. И тут появился человек, которого я видел впервые. И меня он не знал. Сказав общий привет, он осмотрелся и сразу нацелился на меня. Горящий ненавистью взгляд, велосипедная цепь в правой руке...

– Ты кто такой? – приблизился он ко мне, – Самый умный что ли? Да я тебя...

И без этих слов я понял, в чем дело. Но не знал, как правильно поступить. Напасть самому прежде чем... Или защититься от удара цепью с оттяжкой... Оружие страшное, с лег-

костью отделяет мясо от кости. Пока я думал, к нему подошел Макс, обнял рукой за плечи, что-то прошептал на ухо и увел в сторону. Макс на моей стороне, против Нечто? Но почему люди совсем незнакомые готовы напасть на меня? Неужели я так отличаюсь от других?

Лунная База «Чандра».

Крэкерская атака

Нежданный сюрприз: Атхар пригласил в свою квартиру. В стороне от жилого отсека, рядом с Энергоцентром, для нас недоступном. До меня здесь никто не бывал.

Просторно: и не понять, сколько комнат. В гостиной освещение такое, будто с потолка светит несколько земных электролампочек с нитью накаливания. Мягкий, желтоватый, теплый свет. Стол в центре, приборы расставлены. Более всего поразила посуда. С виду обычное дерево, но стоит дотронуться, как тарелочки-бокалы играют на поверхности разными цветами. А жидкость, – будь простая вода, – делается радужной. Достаточно тронуть наполненный бокал, как цветные струи оживают, переплетаясь волшебным объемным рисунком...

Атхар улыбнулся:

– Ты удивлен... Чем?

– Ты напомнил мне Линдгрэн. Добрую сказочницу Снизу. Волшебницу...

Он взволновался. Где-то в глубине глаз, в уголках губ...

– Ты знаешь Линдгрэн?

– Приходится читать то, что выбирает Анвар. Валерий...

Линдгрэн – сурианка. Она умела находить хорошие слова. В ее времена такое давалось легче, чем через сотню-другую лет...

Атхар поднял волшебную чару с жидкой радугой, сделал три мелких глотка. И то ли согласился со мной, то ли...

– Да... Самое худшее – пустота слов. Не лучше – отсутствие слов хороших. Внизу так плохо?

– Там почти никак, – ответил я грустно, заметив, что он переводит разговор в какое-то иное русло, – Никто не хвалит мою «звездочку». В отличие от Графа. Он снова на переломе. Я прошел с ним несколько тяжелых лет. Одни болезни... Каждая сама по себе критична. Он слабее всех сверстников.

Атхар не стал сочувствовать. Да, мои слова для него не новость. Тем не менее, он попросил:

– Расскажи о нем... Не о том, что явно...

Вот как!? Маленький экзамен? Пришлось сосредоточиться, обратившись за помощью к радужному напитку и шоколадке в форме лунного диска. На диске, – моря и кратеры, как в яви. Интересная копия.

– Ты помнишь... Но это важно. Первые одиннадцать лет пропали из его жизни. Не только из памяти. Не он забыл, эти годы стерты. Я пытался понять... Стерли у него, но и в моей памяти ничего не осталось. А я ведь был рядом с ним, запоминал всё! Мало того, – почищены хранилища Системы. Это как? Я помню, как делился впечатлениями о тех годах с Сухильдой, Горомиром... Но и они начисто забыли. Не могу объяснить.

Моя рука потянулась к бокалу. К чаре... Возможно, мне самому требуется психоаналитическое вмешательство. Но

Валерию Внизу подобную услугу оказать не смогу, нет там психоаналитиков. Дикое сообщество. Но Атхар молчит, наблюдая за мной. И я продолжил:

– Характер замкнутый. Объяснимо, – ведь открытость формируется семьей, ближним окружением. А семьи как таковой нет. Формальность... Он сам себе не нравится. Чтобы человек узнал, красив он или хоть симпатичен, ему надо сказать об этом, и не раз. После одиннадцати ему не говорят ничего подобного. Вот и пришлось уйти в мечты, в сказку. А разлад с миром ширится. Быть чужим для всех, особенно для близких, – кто выдержит? Он никому ни на что не жалуется. Ни на боли, ни на обиды. Как отдельная травинка. Порыв ветра, и она гнется, прижимается к почве. Затем выпрямляется. А внешне это почти не проявляется. Вот и считают его как бы «себе на уме». Стойкость воспринимается как невозмутимость. Попытки уйти из этого мира позади. Надеюсь... Но я не могу оградить его от неприятностей! Не получается!

Я почти выкрикнул последние фразы. Атхар улыбнулся. Чему? На столе редкие в нашем меню салаты, жаркое из птицы. Мы к ним и не притронулись. Новый вопрос, уже полегче:

– Где вы с ним сейчас? По его времени.

– Ему четырнадцать. Восьмилетку закончил. Школа ближе других к дому, вот его туда и определили. Система образования несовершенна. Несмотря на частые болезни, он мог

пройти эти восемь лет вдвое быстрее. Но таланты, одаренность никому не нужны. Перспектив не вижу. Переместить его поближе к столице? Или в сам Славин?

Я вспомнил свою первую реакцию на вторую «звездочку». Нет, Система не ошиблась. Но кто роется в ее памяти? Атхар переложил в мою тарелку что-то из закусок и негромко сказал:

– Не уверен... Нет, не стоит. Наше вмешательство не должно быть чрезмерно активным. Не мы хозяева судьбы. Да и место совсем не из худших...

На стене, ставшей экраном, проявились символы земных Империй. Некоторые вижу впервые. Атхар повел рукой. Приблизилась алая пентаграмма, заполнила стену и сменилась картой Уруббо—Ассийского Альянса. Странная карта, впервые вижу. Необычная раскраска имперских регионов, контрастирующая с цветами приграничных государств. Самое загадочное, – прерывистая ярко-зеленая линия, пересекающая территорию Империи, уходящая на юг Священного полуострова. А начинается зеленый пунктир в Нижне-Румске. Что это?

Атхар чуть шевельнул рукой. Нижне-Румск, вид сверху. Да, место красивое, согласен. Полные жизни сопки, расщеченные бирюзовой лентой реки, чистый воздух. Тишина, спокойствие... Трубы завода не в счет, – они не загрязняют атмосферу, природа легко справляется. Простому человеку, не «звездочке», здесь чуть ли не рай. Город небольшой, и в

этом преимущество.

Конечно, мы не хозяева ничьей судьбы. Атхар о Высшей Воле... Отряд о ней знает не больше, чем люди Внизу. А там, – путаница. В Крайнестане пока ни одного храма, ни одной конфессии. В семьях религиозная пустота. Наверное, это и есть хаос, выдаваемый за внутреннюю свободу.

Атхар вновь заставил напрячься.

– Мы почти наблюдатели, Наир. Вспомни Графа...

Он тоже сопоставил? Мне не показалось? И я сказал, стараясь передать точнее свое почти убеждение:

– Внешне... Биографии трудно сравнивать, велико социальное различие. Но внутри... Тут без дневников Графа никак. Общее, да? Вот, – неприятие окружающего мира...

Атхар добавил в мою тарелку еще... Я положил в рот и невольно чмокнул от удовольствия. Жареные грибы в остром соусе, мое любимое! Как он узнал? На скрытые электролампочки нашло затмение. Видно, замыкание, как и положено. С электросетями Внизу такое частенько бывает. Освещение восстановилось, но к Атхару вернулось напряжение. Я сделал вид, что не заметил. И, покончив с грибами, сказал:

– Я многого не понимаю... Ну куда пропала память до одиннадцати?

В голосе Атхара никакого волнения. Странные колебания в настрое: туда-сюда, сюда-туда...

– Не так важно. Пока. Ты ведь не помнишь о себе до при-

бытия сюда? И ведь ничего, обходишься? Он осознает это по-настоящему не скоро. Ты что-то хотел о переломе?

– Да, – я проглотил кусок жидкой Радуги, – Он создаст идеал и хочет материализовать его. Простудировал книг больше, чем весь класс. Нет, вся школа!

Атхар улыбнулся как никогда, очень светло.

– И ты вместе с ним? Это радует. Освойте все, что доступно на краю Альянса. Скоро страна будет зваться Сурией. И мечты трансформируются. У твоей «звездочки» долгий путь по Земле.

Так уверенно говорят знающие. О будущем, – только пророки. Перед внутренним взглядом предстал зеленый пункт на карте. Неужели? Мне пришлось усвоить столько всего... От метеорологии до квантовой физики. Но он – совсем мальчишка. И ведь не просто читает, а конспектирует, пытаясь достичь смысла и соединить разрозненное в систему. Лучшие отрывки из беллетристики тоже переходят в тетради. И делает это так легко, с охотой. Нет, – со страстью! С багажом, которым он нагрузит себя в Нижне-Румске, дальше учиться очень легко. И сейчас для него учеба – игра, баловство.

Видимо, Атхар прав: торопиться с коррекцией не следует. Но ведь момент переломный! Сорваться не туда, – раз плюнуть! А ведь База имеет возможности, мне неизвестные. Почему не использовать?

Из задумчивости вывели пропажа освещения и звон тревожного сигнала. Атхар с удивительной быстротой ухватил меня за локоть и увлек в другую комнату. А там, – пульт управления! Причем более совершенный, чем рабочие места-столы в Секторе Оперативного Реагирования. Мы вошли, и Система доложила:

– Несанкционированное проникновение в виртуальность. Блокировка действует. Веду поиск источника угрозы.

Итак, атакована Лунная База! Мы и не знали, что такое возможно. Ведь Система, действующая в виртуальности, – информационно-управляющее ядро Базы. Без Системы отряд беспомощен, особенно Внизу. Что или кто? Спокойствие Куратора, – признак какой-то осведомленности. Вслед за ним я натянул на голову шлем и спросил:

– Ты знаешь, кто? Не с Земли же!

До этого момента я жил в убеждении, что База извне недоступна. Если только на ее территории...

– Ты думаешь о сообщнике врага, Наир? Нет и нет... Внизу в таких случаях используют понятие вирус. У нас иная технология, основанная на недоступных им принципах, но аналогия допустима. Полезная для понимания.

Зловредная программа в Системе? В голову полезли дурные мысли об инопланетянах... Два сбоя в освеще-

нии... Вторая попытка, – удачная... Перед нами вдруг открылась картина ночного неба, концентрируя внимание на нескольких звездах. Небо земное. Я легко опознал созвездие Стрельца. Адрес источника атаки? Или... Атхар зафиксировал мою мысль. И сказал вслух:

– Нет. Дезинформация. Нас уводят. Атака связана как-то со Стрельцом. Но цель ее, – ты и твоя «звездочка». Но Внизу мы в данный момент бессильны...

Система показала Оперативный Сектор. На моем месте – Сухильда. Почему, зачем?

– Оттуда легче добраться к Валерию. Умница, учла приоритет твоей задачи. И еще: она созвучна тебе...

«Созвучна...» Что-то из сонастроенности? Но она получит все, приготовленное для меня! Плохо. Еще хуже, – потеря контроля над Системой. Не представить, что будет, если она перейдет в чужие руки. Атхар отреагировал и на это мое беспокойство. Вот между нами действительно сонастроенность! Только односторонняя.

– Такое невозможно, Наир. Система создана по модели живого мозга. Нейронные сети на основе голограмм. И не в трехмерности. Кстати, человеческий мозг тоже многомерен. За счет связи с сущностью в сердце... Поколеблена только внешняя защита. По-земному, – крэкерская атака. Цель – захват частичного и временного контроля. Разведка боем... Задача, – выявить слабые места. Ни ты, ни я помочь Системе не можем. У нее свои резервы. А вот подумать о собствен-

ной безопасности... И – восстановить связь со «звездочками». Думаю, Валерию потребуется помощь... В ликвидации последствий удара. Он его уже получил, не сомневайся. А где находится наш враг? Да где угодно, это неважно. Вопрос в том, каковы мы!

Вот как! Чем труднее, тем больше я узнаю. «Каковы мы?!» Мы тоже голографичны? То есть что-то подобное информационным виртуальным программам? Сознание от непереваемости предположения крутнулось... И я весь обратился в ухо. Некий приятный, как будто знакомый, голос сказал:

– Глава достойных – первый из них. Вождь недостойных – последний среди них.

Я согласился. Вполне логично. Но зачем это мне сейчас? Но голос ушел. На его месте – двое.

– Империю не удовлетворяет данное Свыше.

– Не удовлетворяет. Потому нам трудно отыскать неискаженный Свиток?

– Верно.

– Мы так тесно связаны?

– Теснейше. Некоторые из нас и там, и тут... Имперские иерархи рвутся к нам, спасая себя.

– Они – наше наказание?

– Не обязательно. Наказание и испытание внешне могут быть похожи. История Шойля имеет общее значение. Изучи ее!

Прозвучало как приказ, обращенный лично ко мне. Я оч-

нулся, открылось внешнее зрение. Из Уха стал Глазом. На экране Сухильда медленно падает с кресла на мозаичный пол Сектора. К ней бегут трое: Зефирида, Аллан, Майк. А в перспективе за ними, – туманные, полупрозрачные фигуры. Явно не оперативники. Высокие, с радужными ореолами кругом голов, они двигаются неспешно, почти степенно. Так движутся, словно рядом с ними, в Секторе, ничего не происходит. Но ведь ясно: они видят то же, что и я! И еще кое-что, мне недоступное.

Они и есть враг? Нет, нет! Если так, то Атхар совсем не прав. Но Атхар не может быть совсем не прав.

Тени-призраки замерли на миг, повернулись в мою сторону, и пропали за стеной. Система, голосом женским, бархатисто-нежным, доложила:

– Куратор Атхар! Нападение отражено. База переведена в иное измерение. Источник угрозы в физической реальности неопределим. Оперативный отряд может продолжать работу. Оперативнику Сухильде оказывается необходимая помощь.

Вот так! Все ясно, но я ничего не понял. Атхар объявил сбор в Секторе Оперативного Реагирования, и стало не до личного незнания.

– Вот и началось! – громко и весело сообщил Атхар, по-

птичьи устроившись на подлокотнике кресла Сухильды.

«Чему он радуется?» – спросил я себя. Наверняка у каждого к Куратору столько вопросов...

– Потерпите... Ваш Куратор не всеведущий колдун. Я такой же, как вы. Опыта и знаний побольше, но вы их достигнете. А чтобы отсечь лишнее... Вы хотите знать, кем построена База «Чандра». Не скажу! Но, – в нее заложен принцип саморазвития. А вот задачи, которые отряд решает сейчас, создателями не предусмотрены. Дополнительными настройками пришлось заняться мне. И я не все понимаю. В частности, как Система фиксирует рождение «звездочек». И как оперативникам удастся посещать планету в полном воплощении, в физическом облике. Рано мне знать, видимо. Как и вам. Главное – наша работа не противоречит тому, что изначально заложено в наших сердцах. Согласны?

А как иначе? Атхар после краткой паузы уточнил у Системы, каково состояние Сухильды, получившей психическую травму вместо меня. И продолжил, уже серьезным тоном:

– Не огорчайтесь. Мне известно, откуда вы и куда после... Но права открыть закрытое в данный момент не имею. Наступившие перемены говорят: долго ждать ответа вам не придется. А вот о нашем противнике... Он, – живое существо, имеет многочисленное войско и весьма уютно обосновался Внизу. Но где он в каждый конкретный момент... Отвечу так: везде!

Итак, враг везде, а мы передислоцированы в иное измере-

ние. Сумятица в мозгу растет. Пришлось изрядно напрячься, чтобы правильно сформулировать вопрос.

– Наши «звездочки» прямо связаны с нашим предназначением? С задачей всего отряда? Без них они бессмысленны... Так?

– Так! Ты прав, Наир. Более чем прав. Удар по ним – удар по нам! Связь с ними с этого дня – непрерывная.

Ответ совпал с моими догадками, я удовлетворился. Но не Зефирида. Заговорила она как верховная жрица, пробывшая в должности сотни лет. И за долгие века проникшая в такие тайны вселенских метаморфоз, какие Куратору и не снились.

– Моя Тата в Стране Пирамид использует любопытный прием. Если требуется изменить ситуацию в свою пользу наверняка, она моделирует ее в сознании, а затем записывает. Нужный вариант... Так она решает сложнейшие проблемы. Мы так уж нуждаемся во внешней помощи? В моей прошлой жизни такое называется...

Атхар предостерегающе поднял руку. Зефирида недовольно спросила:

– Я не имею права на полную откровенность, Куратор Атхар?

Атхар опустил руку и сказал твердо:

– Нет! Не имеешь! Есть преждевременные уровни... Я не сказал – запрещенные. Не ко всему мы еще готовы. О методе Таты... Определим его в область известного нам Пси-фактора. Она превращает себя в активного наблюдателя, а ситу-

ация – объект наблюдения. Законы субэлементарного уровня не обособлены, материя едина. А сознание наше опирается на могущество духа. Таким образом, при полной уверенности, можно переставить местами причину со следствием. И сотворить, что пожелаешь. Да, иногда бывает достаточно пера, листочка бумаги, и умения сформулировать цель. Но: «бойся своих желаний, они могут исполниться!» Кто знает, что творится в глубинах собственного Я? Вот я в себе не уверен...

Ого, как все поворачивается! Не мы ли сами творим себе врага? Магия – дело тонкое, обоюдоострое. Поднимается вопрос: не принимал ли я участия в появлении рядом с Анваром той Тьмы, зловредного Нечто? А в атаке на Систему виновны все мы, весь оперативный отряд? И поговорить не с кем. Атхар не станет...

Но как бы процесс не пошел сам по себе, – одно из тайных желаний неожиданно исполнилось. Эль-Тагир, до сегодняшнего происшествия почти не замечавший меня, пригласил к себе в жилище. Определенно, ситуация меняется. Началось, как сказал Атхар.

Интерьер очаровывает, – оригинальное сочетание густо-синего и голубого. Как в преддверии Океана... В том месте, где он еще не стал самим собой. Эль-Тагир удовлетво-

ренно улыбнулся на мою реакцию, слегка сощутив коричневые глаза. И, сделав плавное движение правой рукой, сказал:

– Я и сам... Этот стиль оттуда, Снизу. Один из модных во времена моего Мавра. Они устроили в Эйндалусии уютную красивую жизнь. Почти рай, если ты имеешь о нем представление. Был бы выбор, переселился туда...

Он отметил мое непонимание, во взгляде блеснуло что-то колючее, острое.

– Ты здесь сколько, Наир? По земному счету несколько месяцев. А я – много лет. Но время на Базе течет по-иному, что имеет значение. Скрытая высокая задача – интригует! Должно мобилизовывать... Но как я могу быть предан неизвестной идее? А Внизу, в моем Эйндалусском раю, люди светятся счастьем. Счастье, – это совпадение смысла бытия и его воплощения в реальном времени. Чтоб такое понять, надо в него вжиться. О, Толедо периода расцвета... Ваши Империи не дали утвердиться земному раю...

«Ваши Империи...» Я уловил застарелый, мучительный протест. Эль-Тагиру требуется слушатель, чтобы выплеснуть накопленное возмущение. Я – тот слушатель? Захотелось, как он сказал, вжиться. И я попросил:

– Покажи... Что-нибудь из твоего рая.

Долгий плавный выдох... Румянец схлынул с коричневых щек; движение плечами, – и сине-голубой халат обнажил мускулистый торс. Нет, Эль-Тагир совсем непохож на свою «звездочку». Мавр – чернокожий строитель храмов религии

Завершающего Откровения. Я помню: он горяч, резок в словах и действиях. И – гений архитектуры. Эль-Тагир же во всем нетороплив. Бронза кожи подчеркивает известное всем в отряде статуйное спокойствие. И вот – внутри кипит магма.

Он выбрал картинки. Набор слайдов: поля, сады, дома, храмы; мастерские, хлебопекарни... И люди: красивые и спокойные, в молитве, труде и отдыхе.

И я согласился: нечего и хотеть сверх того, что имеется на Земле для земного. Слайды не могут убедить в том, что отсюда они уходят в Вечность. В ту Обитель, о которой говорят и мечтают. Эль-Тагир, пожалуй, не стремится к знанию своего доотрядного воплощения. И он никому не завидует, в том числе Зефириде с ее мистическими тайнами. Будь он рабом, не жаждал бы напялить корону на свой лоб. Неестественное не манит его. На Земле такие – чужаки или отшельники.

– Ты не знаешь, что Ильза, арийская жрица-шаманка, тоже получила удар? Подопечная Сухильды... Их состояние связано с нами. Так помогаем мы или осложняем их судьбы? Как твой Анвар? Может быть, они обе приняли на себя положенное вам? Нет, это не обвинение. Мне ясно: Земля – упущенный мир, мы его не спасем. Что, если наша задача, – вывести из-под удара наших «звездочек», немногих избранных?

Горячая искренность Эль-Тагира... В сердце проникает еще одна нотка сомнения в себе. Да, я чересчур завяз в повседневности Крайнестана. И потерял глобальное видение. Эль-Тагир почувствовал мое колебание. И развернул политическую карту планеты в близком к Анвару времени.

– Смотри! Перемена границ стала смыслом, целью... Целые народы претендуют на роль коллективных безумцев. Люди объединяются в отряды разных размеров и добиваются первенства над прочими. Качество жизни снижается до дикости. Твоему Валерию во второй части биографии придется несладко. Впереди – террор Объединенной Империи. Ты не заглядывал дальше Сурии? Нашему отряду придется включиться в крупную бойню. Просто так из имперских лап бывшего Альянса и одного человечка не вытащить...

О-о, Эль-Тагир очень не любит тех, кто населяет Уруббо-Ассийский Альянс! Как многие из других территорий Внизу. Как не спросить, за что и почему? Он отвечает, не снижая жара:

– А они так самовоспитались. И продолжают в том же духе. Народ без тормозов. Братья Ильзы пытались его образумить в начале исторического становления. Привычка воровать и грабить как своих, так и чужих. Их земля пропитана трупным ядом. Но нет, Наир, не думай, что я предвзят. Ведь цивилизация Северной Коламбии не лучше. Это она сделала планету могильником для хранения своих промышленных и военных испражнений.

...Странное приглашение. Хозяин и чаю не предложил гостю. Но каков Эль-Тагир! Сколько в нем переплелось! Сам не может разобраться. Но я какой помощник? А вот Эль-Тагир для меня – стимулятор. Надо выходить из ущербного состояния. И вначале задуматься о том, о чем я размышляю без особого упорства. Расставить приоритеты, как говорят земные мудрецы.

Эль-Тагир, присев на кровать, по периметру до потолка окутанную голубовато-прозрачной то ли кисеей, то ли дымкой, спокойно объявил:

– База «Чандра» способна устранить безобразие Внизу. Сама способна, своими ресурсами. Но позиция Куратора... Или тех, кто над ним...

О чем он? О бесполезности оперотряда? Я не удержался:

– И к чему тут я?

Эль-Тагир рассмеялся, очаровательно и печально. Бронза на лице чуть покраснела.

– Наир, дорогой мой! Ты не случайно на острие общей задачи. Думаю, ты предназначен... Куратор знает о тебе больше тебя. Я многое сказал, но не принимай мои слова за бесспорную истину. Просто я стараюсь разобраться. И цепляюсь за любую мелочь, чтобы нарисовать понятную картину. Да, планета Внизу переполняется отравленной кровью. Но разве

она одна во Вселенной? Где-то идет настоящая война. Внизу – лишь ее отражение. Вот вызволим «звездочек» из имперской братской могилы, – и вперед! На настоящее дело!

Он явно не о Вечности. Или путает ее с временным смыслом бытия. Такая мешанина мне не нравится.

– Но, Эль-Тагир... Получается, миллиарды Внизу обречены только потому, что не понимают главного. В чем их вина? И почему они не заслуживают помощи?

Эль-Тагир загорелся как Мавр, недовольный бестолковостью и ленью строителей. Дымка-кисея заколыхалась, по комнате пробежали синие тени.

– Не знают? Не понимают? Да только потому, что не желают знать! А ведь «звездочки» хотят знать. Хотят! Двери открываются стучащему...

Так, понятно. Он узнал о будущем Уруббо-Ассийского Альянса больше меня. Когда я доберусь до нужных источников? И решил уточнить:

– Ты дал понять: близко реформатирование Империй. Как это?

Только теперь заметил, что освещение в комнате распределено неравномерно. В углах почти мрак. Эль-Тагир направился в один из темных углов, отвечая по пути на вопрос:

– Ядро общепланетного заговора созреет в годы жизни Анвара. Деталей я не знаю, источников достоверных недостает. Твой кусок будущей единой Империи переориентируют. С атеистического на олимпийский старый путь в мо-

дернизированном варианте. В разработку новой стратегии включены интеллектуалы Партии Авангарда. Отсюда, – я уверен! – начинается что-то ужасное. Опасное и для нас. Но...

Он вернулся из темноты с бокалами темно-вишневой жидкости. Вспомнил об этикете?

– Вино Эйндалусии... Напиток мира и процветания.

Крепенькое вино! Как он ухитряется доставлять его на Базу? Первый же глоток вернул Эль-Тагиру обычную спокойную плавность. Смена состояния – смена темы беседы.

– Я вот о чем думаю, Наир... Тот случай с освещением ночной улицы в Нижне-Румске. Когда юный Анвар тачку вез. Ведь это не мы осветили ему дорогу?! Не мы! А кто? Ты бы спросил Атхара...

Вот, он уже называет Куратора по имени. Что сказать? Если б то был один такой случай... Атхар не ответит. Эль-Тагир сходил в темный угол за свежей порцией напитка мира. И спросил прямо:

– Что ты думаешь об Атхаре? Только честно, без...

Честно... Почему бы и нет?

– Мне его лицо кажется очень знакомым. А вспомнить не получается. Прямо наваждение.

– А ведь он смотрит на тебя по-особенному. Точнее, – по-родственному...

Вот как! Да, вино из райских садов способно выявить сокрытое... Пятно мрака в центре многоцветия может оказать-

ся дверью в иное. Только вот стоит ли стучаться?

Планета. Валерий.

Переформатирование

Жизнь моя вошла в новую эпоху. За несколько месяцев всё изменилось! Болезней нет, исчез контроль, я сам распоряжаюсь своим временем. Даже отношение ко мне другое. Не могу понять, почему так на меня смотрят, – с каким-то вопросом, будто я им незнаком. И спрашиваю себя: разве человек рождается ниоткуда? Нет, он приходит из другого мира, не худшего, чем этот. В забытом, стертом времени, подзреваю, я помнил мир, из которого зачем-то попал сюда. И болезни, – продолжение стремления вернуться? Потому что другого способа нет. Неужели нет? Я уже не хочу назад, стал искать где-то впереди.

Под знаками Тау Кита и Эпсилона Эридана в моем небе поднялись миражи иных миров. А на маленьком кусочке земли, предоставленном мне, произошел магический сдвиг. Пространство заметно деформируется.

Некоторые сны переходят в явь. Я научился сгонять тьму в углы своей комнаты и видеть ночью как днем. Что происходит с моим сознанием? Я не контролирую перемены... Умные люди пишут: есть и подсознание. Оно-то и определяет суть человека. Откуда им известно?

То ли открытия, то ли озарения, то ли кошмары наяву. Бояться или радоваться?

...Короткие рассказы Ефремова... Трепет, волнение, созвучие с мыслью автора... Наверно, это нормально. Но то, что случилось с «Озером горных духов», за пределами понимания.

Начиналось как всегда. Я «вошел в сюжет», настроился на ефремовскую волну. За прозрачной плоскостью страниц, за вереницей слов, поднялись горы. И вместе с экспедицией пошел по усыпанным шуршащим камнем тропам. Замечательно! Как всегда...

Но случилось непредвидимое.

Озеро вдруг расширилось, горы перестали соответствовать авторскому описанию. Странно, ведь я не выходил за пределы рассказа, не пытался изменить сюжет. А может, ничего и не менялось, кроме моего отношения к повествованию? Вот и получилось: будто то, а будто и не совсем. А тут еще... Я словно раздвоился. Вот, – сижу за столом, читаю рассказ любимого писателя. И в то же время стою за собственной спиной и через свое же плечо вглядываюсь в те же самые строчки!

Я там, за спиной, удивляюсь происходящему больше, чем я сидящий. Что за раздвоение? Чьими глазами и откуда смотрю на себя из-за спины? Это раздвоение, – или чья-то близость? – отзывается множеством укулов. Как десятки очень тонких иголочек покалывают кожу. Особенно чувствительно – на лопатках и плечах.

В семье обретаю все большую независимость. Но кругом-то свободы почти и нет. «Где родился, там и пригодился». Приходится так часто слышать это. Слышу и представляю себя в наручниках и кандалах. На самом деле, что я могу по-серьезному изменить в своей жизни? Зачем тратить время на лишнее образование? Найти приличную работу, создать семью, обустроить быт. Всего-то! И чтоб было не хуже, чем у других. Вижу я, как народ радуется, когда перехватывает «на халяву» лишние сто пятьдесят. Водки или колбасы, – неважно.

Мои сверстники готовы к такой жизни внутренне и внешне. Все держатся уверенно, лица рельефные, глаза легко переходят от выражения симпатии к ненависти. А у меня?! В зеркало смотреть противно. Во взгляде, как в линзах бинокля, – никаких чувств. Не проходят они почему-то через глаза. И что это за цвет? У людей черный, фиолетовый, даже синий бывает. А тут зеленый в коричневую крапинку! А нос? У всех аккуратные, приличные. У меня и размер слишком, да еще и горбинка. На уши и смотреть не хочется, как рукавицы. Хорошо хоть под ветром не хлопают, как паруса. И кожа... Народ бледнолицый, благородно светлый. А у меня смуглость какая-то, как у аборигена океанских островов. Зато загораю легко и быстро, и кожа не слезает. В общем и це-

лом – явно человек не из этого мира. Вот и окружает меня этот мир отнюдь не любовью.

Ну не может быть, чтобы на всей земле такое! Это скрытый враг засунул меня на край Крайнестана. И вредит из невидимости, из темноты. Но если он такой могучий, почему сразу не прикончил? Не иначе, садист, ему нравится истязать.

Темное Нечто предпочитает действовать через людей. Через крутых парней с велосипедными цепями, со свинчатками и кастетами в карманах. Но в то же время меня кто-то мягко, как котенка, вытаскивает из ям-ловушек, в которые попадаю так часто. А сам я не знаю, как реагировать на зло и обиды.

Единственный из всех, кто не помнит прошлого, – это я. И о будущем у меня никакого представления. Что-то знаю о темном Нечто. Но о том, кто освещает мне путь в темноте, – ничего. А ведь иногда почти явственно ощущаю добрую силу совсем рядом. Под ее влиянием решил продолжить обучение в средней школе.

Иначе не вырваться из мира деревянных семейных домов с огородами и древних бараков. В городе есть несколько четырехэтажных кирпичных домов. Но там живут большие люди, к ним не подступиться. Вожди Партии, всякие директора, заведующие... И те, кто умеет добывать длинные деньги. Через окна кое-что видно. Они могут оформить свои квартиры как сказку. Любую, какая нравится больше. Но не хо-

тят. Я хочу, но не могу.

Не нужен я Империи. Даже если выращу в голове самые лучшие мозги, а на кости навешаю стальные мышцы. Зачем это в бараке, куда селят рабочих имперского оборонного завода после женитьбы? И не оставаться же на всю жизнь в одном доме с мачехой.

А что, если я заблудился? И не вижу того, что доступно зрению других. Жители Тундрии различают несколько видов снега. Так ведь и я тоже! Но у них каждый вид обозначается отдельным словом. Мне слов не хватает.

Вот и получается: каждый живет внутри своей сказки. Просто я их не понимаю. Отец с мачехой, Макс, Миха... Все имеют свой мир, всем хватает слов для обозначения того, что им нужно. А зачем называть как-то то, что для жизни не требуется? Неназванное – невидимо. Невидимое – не существует. Очень просто.

Но ведь и до них дотягивается то самое Нечто! В городской больнице мест не хватает. Люди хвалят хирургов, а больные после них становятся мертвыми. На улицах воют сирены скорой помощи и управления внутренних дел. Больные и преступники не кончаются. Отморозков сажают в зоны, но они выходят оттуда. А некоторые сбегают. Через Нижне-Румск... Ведь зоны недалеко, на севере за сопками.

Тьма поторопила моего отца и он женился на полгода раньше. Тьма убедила моего брата, что у одного человека бывает две мамы. Тьма утверждает: дружба должна быть взаи-

мовыгодной. В их сказках хозяйничает Тьма.

Я не согласен. Не буду я ее рабом. Мы еще посмотрим! И слова нужные найдутся...

Часть третья

Воевода

.

И вот, ко мне тайно принеслось слово, и ухо мое приняло нечто от него.

Среди размышлений о ночных видениях, когда сон находит на людей,

*объял меня ужас и трепет и потряс все кости мои,
и дух прошел надо мною; дыбом стали волосы на мне.*

Иов

.

Чужие сказки Нижне-Румска.

Оперативный отряд Резерва

Тьма рвется в сновидения. Снятся кошмары. Понимаю: рядом концентрируется антиматерия. Отмечаю сны вещи, но разобраться в них разума не хватает.

Ко всему прочему добавилось ощущение раздвоения. Как у жителей Страны Пирамид, у меня появился двойник души, живой, но невидимый. Я предположил, что это от внедрения в сознание многомерности Вселенной. Надо отвлечься, переключиться на художественную литературу. Хороший роман одолевается за сутки, включая ночь. Иногда что-то интересное выписываю в тетрадь. Удовольствие – высший класс.

На страницах кипят страсти, цветет любовь. Суть того и другого никак не дается. Если при чтении являются живые картины и образы, признаю: автор – талант. Такая книга лучше кинофильма.

Научная или серьезная научно-популярная книжка требует около недели. С трепетом вглядываюсь в оглавление, медленно перелистываю... Только потом чтение и конспектирование. Так я научился выделять главное.

Особое место – переводной беллетристике. Там живут мистеры, сэры, леди, мадамы... Судари и барышни – из того же класса. Сделал вывод: люди Империи не любят таких книг.

Потому что население делится по внешним половым признакам, на мужиков и баб. В более возвышенном варианте звучит: мужчины и женщины. Но смысл один. В разных местах слышу, как эти понятия конкретизируются по-разному: мущина, бабец, девушка, юноша... Согласен: все рождаются самцами и самками. Но не всем дано стать мистерами и мисс?

«Мужики и бабы», – хорошо для мобилизации. Народ понимает призыв, превращается в ополчение и решает поставленную задачу. После чего возвращается в состояние воинственной толпы, состоящей из мужиков и баб разного возраста. А такая толпа не любит чужих и слишком умных. В толпе разрешено выделяться мышцами, животами или тем, что ниже.

Такой вот в Империи закон жизни. Такой же непоколебимый, как закон Ома. Разве можно не соглашаться с законом Ома или ненавидеть его? Даже если шарахает электричеством. Так говорит мне рассудок. Но сердце утверждает: тут что-то не так!

Первое лето без малейшего недомогания! Сеновал, гантели, перчатки, дрова, огород, велосипед... Ежедневно максимальная активность тела и разума. В новом состоянии я поглощаю информации больше в разы.

В сентябре Миха дал поносить пуловер, единственный на всю округу. Но я в него не влез. А в прошлом году он висел на мне, как на огородном пугале. Михины узкие по-восточному глаза округлились. Ведь еще полгода назад он наблюдал сцену вручения мне билета члена Резерва Партии. По болезни я не смог присутствовать на общем торжестве, и вступил в ряды Арьергарда Авангарда на ходу, без оркестра, речей и поздравительного рукопожатия. Меня остановили в школьном коридоре; я шел в класс, опираясь от слабости на стену.

Я удивился не меньше Михи. Ибо внутри, в самовосприятии, оставался прежним: слабым и болезненным. Требовалось время, чтобы привыкнуть к себе новому.

Мосол, сын беглого Моряка, вернулся в город после годичного пребывания у родственников на «материке». Застал меня за колкой дров. Осмотрев облитые загаром мышцы, с уважением сказал:

– Атлет! Как ты это сделал?

Я ответил чьими-то словами:

– А само собой. Дар Свыше.

Откуда я могу знать, что или кто там, Свыше, дарит дары? Но понимал, что дар Свыше, – совсем не халява и не подарок с расчетом. Может быть, мой невидимый спутник замешан в этом. Но никак не злое Нечто.

И пришло удивительное открытие! Оказывается, не только читать умные книги или совершенствовать телескоп, но и полоть картошку или расчищать двор от снега, или даже

пить-есть, – все можно делать с удовольствием. А не по необходимости.

В отцовском доме перемен со мной будто не заметили. В лицо не говорилось ни плохого, ни хорошего. Мачеха продолжала, – вкуче со всеми прочими достойными, – обсуждать на кухне с отцом мои поступки. Я же не понимал, что делал чрезвычайного. И вообще, какие у меня могут быть поступки? Отец поддакивал, иногда посмеивался. Я ходил заочно осуждаемый, очно не оцененный никак. Мачеха могла наехать на кого угодно без всякого повода. Обозвать, наорать матом, пригрозить и все такое. Отец в такие конфликты не вмешивался. Последующей разборке они не подлежали. Так что я находился в выгодном положении.

Нижне-Румск – стоячее болото между рекой и Океаном. Только живет в нем не Клюква, а граждане. Неспроста в голову лезет мелодия с надоевшими словами: «Клюкву старую с болота он любил...»

Новые одноклассники организовали частную экскурсию на правый берег Румы. На лодке, хозяин которой обещал вернуться за нами вечером. Я поехал затем, чтобы посмотреть на болото издали, со стороны. Но города с другого берега не увидел. Только дальние сопки, чуть пониже тех, у подножия которых мы высадились. Вот это да! Всего час ходу

по воде – и город исчез! Стал иллюзией, хранимой в памяти. Пространство и время играют в странные игры не только в космическом масштабе.

Солнце ушло за бесконечное облако; сумрачно, неуютно, дико. Тем не менее, на пустынном берегу я не заметил и малейшего присутствия Нечто. Или он обитает там, где много народу? И действует через тех, кто знает меня? А без них ничего не может?

Спички нашлись у меня, единственного курящего в классе. Всю ночь мы жарим моллюсков, собранных на мелководье. Большой мир исчез, мы мало говорим, больше думаем.

Я представил себя в составе маленького оперотряда, которому предстоит освоить необжитое пространство. А в нем кипит своя жизнь, не нуждающаяся в нас. Медведи, рыси, олени, муравьи... Настоящие хозяева сопки и побережья. И они имеют полное право поступить с нами по своим правилам. По закону своей жизни, непроверяемому, как закон Ома. Для этой жизни человеческая цивилизация чужда, неприемлема.

А где еще могут быть применимы нормы бытия людей Крайнестана, да и всей Империи? В инозвездных мирах Тау Кита и Эпсилон Эридана? Неужели? Не везде во Вселенной болота с Клюквой.

За пару месяцев осознав новое физическое состояние, я обрел и предельно возможную самостоятельность в собственных действиях. Начал с того что, не поставив никого в известность, оформился в девятый класс средней школы. И твердо решил: никаких заводов, ПТУ и всего такого прочего. Ибо отсутствие обучения и воспитания – это необученность и невоспитанность. Не желаю я жить по понятиям, даже если они всенародные! Мое сообщение о переходе в среднюю школу дома восприняли молча.

После этого записался сразу в несколько кружков Дома Молодежи. Но самым серьезным шагом стало вступление в оперативный отряд горкома Резерва Партии. Свершился поступок, не обусловленный ни решением, ни даже намерением. Мало того, я и не подозревал о наличии в городе такого отряда.

Действовали ноги, а не голова. Ноги привели на площадь перед трехэтажным зданием, в котором на втором этаже размещается верховная власть города и района – объединенный городской комитет Партии Авангарда. На первом – комитет молодежной организации Резерва. Об этом я знал, но оказался тут впервые.

Потом понял: не любопытство вело мои ноги. Слишком уж целенаправленно. И, – вне понимания. Произошло так,

словно мне отключили самоконтроль и как куклу довели до цели, о которой не подозревал. Очень уверенно я открыл главную парадную дверь города, прошел по коридору и остановился перед табличкой «Оперативный отряд Резерва». Легонько постучал и, не ожидая ответа, вошел.

Встретили десять пар иронических глаз. Две среди них – женские. Сразу увидел: все старше меня на несколько лет и жизнь понимают как положено. А тут на пороге их опорного пункта пацан-девятиклассник! Но я смотрел без растерянности и сказал спокойно, почти отрешенно:

– Хочу к вам в оперотряд.

Народ в комнате развеселился. Посмеявшись, они переглянулись и приступили к экзамену-тесту. На пустом столе волшебным образом возникли бутылка водки, граненый стакан и баночка соленых огурчиков. Налили стакан до краев и протянули. Я уверенно взял стакан правой рукой, жестом левой отказался от огурчика. Тренированный мачехиным самогоном, двести миллилитров казенной жидкости проглотил профессионально, с легким выдохом. Поставил пустой стакан на стол и посмотрел на отряд с повтором вопроса. Ведь ответа еще не дали.

Оперотряд, оценив антиалкогольную крепость юного кандидата на фронт борьбы с алкоголиками и хулиганами, дружно расхохотался. Поняв, что вопрос решен положительно, я улыбнулся.

Поздним вечером, на сеновале, немножко задумался. Туда ли я записался добровольцем? И ближе там буду к Нечто или оно отдалится? А через недельку-другую вернулись жуткие сновидения. Просыпался весь мокрый, они убивали настроение на весь день.

Объявлена неделя идеально гладких поверхностей. Они изгибаются, взаимопересекаются, охватывая со всех сторон. Я предположил во сне, что так переварил какую-то тему из космологии или микрофизики. И, не выходя из сна, решил проверить, так ли уж гладки поверхности. Дотронуться пальцами не получилось. Касания они почему-то не допускают, пальцы соскальзывают до того... Удивительно, плоскости живут, – двигаются, изменяются, – но упрямо ускользают от прямых ощущений.

Они существовали передо мной и наяву, подряд несколько дней. И становилось страшно, когда они вызывающе, – я сказал себе «нагло», – изгибались рядом, чем бы я ни занимался. Подобные вещи, – это я понимал твердо, – не для нормального человека. Так можно однажды проснуться в пригороде, в Желтом Доме. Но в том, что это проявление ненормальности: нет, не согласен.

И нашел выход из подобных ситуаций-наваждений. Надо погрузиться в любимую книгу или вспомнить подходящий

фильм. Например, увидеть Алкида, который ничего не боится. Или путешественника Синдбада. Но лучше всего – мысленно призвать на помощь волшебную птицу Роух. Она могущественнее и добрее всех, в том числе Алкида. Узнав о ней, я немедленно поверил в ее существование. И, бывало, иногда высматривал на восточном горизонте. Я еще не знал, что Восток там, где захочешь.

В оперотряде Резерва идеала не нашел. Да, сильные, уверенные люди. А почему бы и нет: ведь они под крылом полиции и горкома Партии Авангарда. И непосредственно курирует отряд сам начальник уголовного розыска. Появилось неудовлетворение. Не обрел я в отряде чувства личной безопасности. Оба городских комитета вместе с отделом полиции оказались неспособны оградить от вездесущей Тьмы. Мало того, я заметил, что она притаилась и в этих, новых для меня людях. Как же они смогут навести порядок в целом городе?

Да, живого идеала в отряде не нашел. Но обнаружил большее. То, чего и ожидать не мог, – познакомился с Сашей. Подобного ему я не встречал никогда. Такие люди приходят в мир этой планеты крайне редко. Позже узнал: оперотряд создан для поглощения его избыточной энергии. Мать Саши занимает высший в городе пост, – секретарь объединенного

городского комитета Партии Авангарда. Ростом и силой Саша превосходил всех. И по одному, и толпами. Что поразило: он повел себя при первой нашей встрече так, будто встретил после долгой разлуки очень близкого человека. Но ведь мы до того и не подозревали о существовании друг друга!

Мы сблизились естественно, по закону всемирной гравитации. И открылось: рядом с ним я надежно прикрыт от любого зла. Мудрые ноги привели не в оперативный отряд, а к Воеводе. Так кто же управляет мной?

Пришлось отложить в сторону папку с надписью «Идеал». Она успела серьезно распухнуть от выписок отовсюду, но ясности так и не прибавила. Но присутствие в оперотряде кое-что прояснило. Мне вдруг открылось, что большинство людей, – за редким исключением, – слабее муравья вне муравейника. И потому они объединяются в отряды и отрядики. Включение даже в маленькую группу возводит в степень, недостижимую наедине с собой. Человек делается как бы зверем, членом стаи. Стайные эмоции горячат кровь, и стираются индивидуальные различия. Если стайей овладеет ярость, она начнет грызть любого, на кого укажут. Ярость! Яростный оперотряд, – таким видели его партийные и полицейские кураторы. Есть ярость служит делу Империи, то оперативнику, – члену государственной стаи, – прощается многое.

Я не нашел в себе ни ярости, ни ненависти. Достаточно быстро понял: процесс охраны правопорядка – это противо-

стояние отрядов. Один опирается на государство, другой на неорганизованные массы. Но все они живут на одной территории и внутри одной Империи. Выходит: происходят разборки между своими, внутрисемейные ссоры-драки. Неужели нельзя урегулировать процесс другими способами? Я их не видел, но их не может не быть. А выбранный вождями способ меня не удовлетворял. Что-то тут сильно не так. Почему ярость одних подлежит наказанию, а других, – ненаказуема? Ведь все думают и живут одинаково!

Отряду Резерва не хватило имперского цемента сплочения. Каждый думает и говорит о другом хуже, чем о себе. Особенно много злословят на Воеводу. Я слышал, пока не вошел в его семью. Тогда зависть к Саше распространилась на меня. Втайне каждый хотел быть на моем месте. Близость к вершине власти...

Не теряя близости к Саше, я на время отключился от оперативного отряда. И снова погрузился в книги. Нет, скорее, в знакомую магию напечатанного слова. Многие книги лишены этой магии. Такое становится ясно, когда тронешь обложку, коснешься пальцами страниц, пробежишь глазами по строчкам... У настоящей книги свой запах, свое притяжение, даже свой взгляд. Некоторые смотрят так красиво, что не хочется отпускать, пока не прочтешь всю, до реквизитов издательства. Эти книги сами идут ко мне, не я их выбираю. Не мои книги безвкусны и бесцветны... Они неживые или злые.

Еще я узнал: некоторые книги говорят! Они шепчут о том, чего нет в строчках автора, а берется откуда-то издалека. Это «издалека» может находиться совсем близко. Только для меня оно недостижимо. Но я слышу шепот, сообщающий через книги о предстоящем.

...Грядет новая эпоха, и откроется большая злая сказка. Охватит она собою весь земной мир. Надо остеречься. Но не надо бояться. Ведь сказка та существует не сама по себе. Мы все живем внутри чего-то безмерного, похожего не необъятную Книгу. Книгу всех книг... Она очень древняя, и в ней нет ни начальных, ни конечных страниц. И потому имя автора узнать не дано.

И предстает она каждому в особенном варианте. Получается, у каждого своя безграничная Книга. В чужие книги, как и в чужие сны, лучше не заходить. Если только очень попросят... В мою Книгу зашел кто-то непрощенный, когда я был совсем мал, и не заметил проникновения. И захотел непрощенный гость стать хозяином моих страниц. Внутри моей Книги он угрожает мне. И преследует, действуя через других, которые живут рядом. Люди, животные, даже растения... Он напрягся, когда я познакомился с Воеводой, – значит испугался.

Как узнать, кто написал бесконечную Древнюю Книгу?

Только автор может что-то изменить в ней. Почему он оставил возможность для проникновения зла? Одна из малых книг, умная и знающая, сообщила:

– Ты еще не знаешь? Дом, в котором ты живешь, непрерывно расширяется.

Я не поверил. И рассмеялся. И сказал с иронией:

– Значит, ты тоже увеличиваешься? И текст твой меняется?

– Не надо смеха, – серьезно сказала малая книга, – Тебе трудно подумать как следует? Если Вселенная расширяется, то за счет чего? Пустоты ведь как таковой нет. Так вот: за счет себя самой! То есть своих частей и частичек, без которых Вселенной нет и быть не может. Ну?

– Ух ты! – восхитился я, – Сильно сказано! Непрерывно расширяющийся дом! Но ведь комнат это расширение не прибавляет? По твоей логике, ты увеличиваешься. Но мыслей на твоих страницах не становится больше. Если увеличивается всё, везде и повсюду, реального свободного места в доме не прибавится. И этот процесс бессмысленен. Да и все равно мне, что происходит со Вселенной. Пусть расширяется, сжимается, делится, умножается, – на моей судьбе это никак не отразится.

– Низко летаем, – грустно отреагировала книга. – Очень низко. По-крокодильи.

Но не повелся я на ее грусть. Она уже не поучает, она осуждает. И без нее есть кому это делать. И сказал с вызовом:

– Лучше летать низко, чем ползать высоко. Да и, – чем выше, тем холоднее.

– Тем неудобнее, – не по-книжному поправила книга, – А я думаю: леопард, замерзший на вершине высокой горы, получил крылья...

Какая мне разница, летает леопард или нет? Следующую мысль книге не решился высказать. Мало ли кто еще услышит? Дело в том, что, – скорее всего! – Вселенная и не думает расширяться. А это люди удаляются друг от друга и от книг. За счет уменьшения самих себя. Обмельчения... Но при долгом растяжении стен могут появиться щели...

Я закрыл противоречащую мне и себе книгу и задумался. Как собрать и сопоставить все происходящее со мной? Вот, к примеру... Рядом невидимые сущности, а не могу понять, кто они. Только ощущаю неизвестно что. Физика, а тем более химия, – они ничего не могут объяснить. Ученые хотят разъять пространство и время на атомы, чтобы захватить международные премии по разным наукам. А неученые, – по литературе.

А ведь в многомерности наверняка получают деформации. Вот и появляются межпространственные щели, норы, провалы... По гладким поверхностям можно проскользнуть куда угодно. Отсутствие реакции тоже реакция, только иного рода. А законы в мирах могут как действовать, так и бездействовать. И там, где царит бездействие, нельзя говорить ни о веществе, ни о каких-либо полях. Но оттуда легко на-

блюдать мой мир и влиять на него.

Итак, они видят меня и все такое. Я не могу с ними поговорить. Добрые они или злые, – все равно не могу. Может, написать на столе обращение крупными буквами?

На следующий день, листая в библиотеке научно-популярный журнал, наткнулся на упоминание о хрустальных черепках. Вне болот и Клюквы... Журнал сам попросился в руки. Неужели мной заинтересовались и черепа?

Ночь выдалась безлунная, застойно-тоскливая. Я высунул голову за дверь сеновала и направил луч фонарика в небо. Бесплезно, Луна не нашлась. Жаль.

Но стремление разобраться в смыслах моего запутанного мира не могло не пробиться наружу.

В начале девятого класса сосед попросил сделать копию свидетельства о рождении. Я постарался симитировать все, кроме водяных знаков. Улицы узнали о появлении копировальщика, у меня появился небольшой, но постоянный доход. Накопив нужную сумму, приобрел листы ватмана, мягкие карандаши. И решил посетить все городские кинотеатры. Смотрел ранее недоступные фильмы и рисовал интерьеры. Почему-то решил: в соотношениях сторон и высот зданий имеется какая-то закономерность. Собрав десяток рисунков, приступил к ним с линейкой и транспортиром. И

разочаровался, – в архитектуре клубов и кинотеатров не нашлось ничего общего. Стало ясно: выяснить что-либо о размерностях пространства таким путем не удастся. Здания в Нижне-Румске строились без учета структуры Вселенной.

В школе продолжал следовать уже отработанной методике освоения учебной программы. В сентябре штудировал все учебники. Плюс отменил отдельные тетради по предметам. Ведь переписывать учебники по меньшей мере глупо, как и писать домашние задания. Лишняя трата времени. Немного подумав, все же оставил одну девяностолистовую тетрадь, общую на все предметы.

Со вступлением в оперативный отряд изменился и распорядок дня. Часто возвращался в каморку на сеновале глубокой ночью и просыпался, когда отец и мачеха на работе. Со спокойной совестью пропускал занятия. Уверенность в отличном знании всех предметов с удовольствием демонстрировал при «неожиданных» проверках после долгих пропусков.

Мне ставили двойки за отсутствие на контрольных и непредставление домашних заданий. Перед экзаменами за четверть я тратил несколько дней на их исправление. Практика показала, что я прав. Носить в школу одну тетрадь, да не каждый день, – появилось какое-то самоуважение. А выступления экспромтом у доски по вызову учителей доставляли наслаждение и приводили одноклассников в восторг.

Но независимость, оказалось, имеет пределы. Пришлось

корректировать свое поведение. Точкой начала коррекции стал срыв урока географии. Ее вела заслуженная учительница Империи. Регалии, опыт... Опыт уверял ее: если ученик прогуливает, то он неуч. Я не посещал школу две недели. Она вызвала к доске и занесла ручку над классным журналом. Чтобы поставить жирную двойку. А то и единицу.

Я поступил незрело – поспешил. Следовало дожидаться контрольного вопроса и ответить. А я сразу заявил, что знаю географию не хуже нее. И предложил проверить по любой теме, включая не пройденные. Моя уверенность смутила не закаленную педагогическую душу и она заколебалась. Класс затих в ожидании нестандартного ответа, за которым следует пятерка с наставлением:

– Молодец! Но на экзаменах прошу отвечать в рамках учебного курса.

То есть учебника...

После минутного замешательства заслуженная учительница впала в истерику и выбежала из класса. Меня вызвала директор, красивая представительная дама. Говорила мягко, а потому доходчиво. Я подумал вначале: она расположена ко мне с первой встречи, когда я положил на директорский стол аттестат за восьмилетку и избрал франкский язык. Тот, который она преподавала. Ее занятия я тоже пропускал, но она относилась к этому спокойно.

Но из беседы уяснил: школа знает об оперотряде и моей близости к мэру города. А сама директор – подруга Полины

Диомидовны. Оказывается, мать Саши интересуется моими школьными делами. Такого я не ожидал.

Пришлось публично извиниться перед учительницей. Мои знания она больше не проверяла, но решила на экзамене выше четверки не ставить. Я не возражал: золотая медаль не светит по-любому. К тому же появился новый интерес. Захлестнул поток книг о военной авиации, которых до того не замечал. Приплюсовались занятия в кружке авиамоделирования, и родилась мечта – стать военным летчиком. Получить престижную профессию, да к тому же вырваться из Нижне-Румска! Экзамены в военное училище сдам, вне сомнения. Но вот медицинская комиссия...

И я приступил к подготовке. Страх высоты, вестибулярный аппарат... Аэроклуба в городе нет, парашютов не достать. Пришлось изобретать, скрывая интерес от Саши. Качели-карусели в парке, кружение на месте, ходьба по заборам, прыжки с конька крыши отцовского дома в палисад...

Пошли травмы-предупреждения, предостережения. Я их не замечал. Качал силу, развивал реакцию, испытывал себя на перегрузки. Я еще не знал, что нетерпеливость или торопливость мешают достижению желанной цели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.